

ПЕРВЫЙ (1) ТОМ ПОЛНОГО («ЮБИЛЕЙНОГО») СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО (М.— Л., 1928)

Обложка

типографию «Печатный двор» еще 13 утвержденных томов. Наборные оригиналы всех этих томов погибли во время блокады Ленинграда. Редакции пришлось их потом восстанавливать по сохранившимся дубликатам, корректурам, рукописям и черновикам.

В 1958 г. с выходом в свет 90-го тома издание было закончено, если не считать специального тома с указателями, который должен выйти из печати в 1962 г. Собрание сочинений Толстого появилось в том виде, как предполагалось; все тексты великого писателя даны в нем полностью.

Очевидно, что столь монументальное издание, на осуществление которого понадобилась почти треть века, не лишено ошибок и недостатков. Некоторые из них уже были замечены ранее, о других говорится в дальнейших разделах настоящего обзора. Но эти ошибки и недостатки исправляются и будут исправляться в дальнейшем новыми поколениями молодых исследователей, которые получили в Юбилейном издании неоценимый источник для дальнейшего углубленного изучения жизни и творчества великого русского писателя.

Н. Родонов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Первую серию Юбилейного издания, занимающую 45 томов, составляют произведения художественные, теоретические, а также сборники афоризмов, составленные Толстым. Произведения расположены хронологически. Шестнадцать томов полностью посвящены художественным произведениям; девятнадцать томов содержат художественные произведения вместе с теоретическими, созданными в тот же период. Сюда относится «Круг чтения», в состав которого включено несколько художественных произведений Толстого, и т. 90. Два тома занимают азбуки Толстого. Остальные девять томов содержат только теоретические сочинения, а также составленные Толстым сборники афоризмов (кроме «Круга чтения»).

В отношении художественных произведений поставленную Юбилейным изданием задачу — опубликовать «решительно все написанное Толстым» (т. 1, с. VII) — можно считать в достаточной мере выполненной. Сохранилось 174 художественных произведения Толстого, включая незавершенные сочинения и черновые наброски. Вполне законченными произведениями Толстой считал 78; только они печатались при его жизни и входили в собрания сочинений. Остальные 96 остались в архиве писателя и лишь после его смерти увидели свет, причем 30 набросков и 7 стихотворений впервые опубликованы в Юбилейном издании.

Система расположения художественных произведений в Юбилейном издании, безусловно, правильна. В каждый том входят произведения, написанные в определенный период, причем они разделены в томах на две группы: законченные, печатавшиеся при жизни Толстого, и незавершенные, которые объединены в каждом томе под рубрикой: «Неопубликованное, неотделанное и неоконченное». Произведения каждой группы, как правило, расположены в хронологическом порядке их создания. В нескольких случаях принятая система нарушена. Например, повесть «Хаджи-Мурат», при жизни Толстого не публиковавшаяся, печатается в т. 35 без установленного заголовка «Неопубликованное». В т. 34 «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой» правильно выделены в раздел неопубликованных, тогда как «Живой труп» и «После бала» печатаются вместе с опубликованными произведениями начала 900-х годов.

Собрание сочинений открывается первой повестью Толстого «Детство», появившейся в печати в 1852 г., и заканчивается художественным очерком «Благодарная почва», посвященным встрече Толстого с молодым крестьянином в Мещерском 21 июня 1910 г. (впервые был опубликован в 1910 г. в газете «Речь»). Это — последнее художественное произведение,

ПОСЛЕДНИЙ (90) ТОМ ПОЛНОГО
(«ЮБИЛЕЙНОГО») СОБРАНИЯ СОЧИНЕ-
НИЙ ТОЛСТОГО (М., 1958)

Обложка

напечатанное при жизни Толстого. Второй раздел: «Неопубликованное, неотделанное и неоконченное» открывается «Детскими упражнениями» Толстого и заканчивается третьим вариантом повести «Нет в мире виноватых», над которой Толстой работал за месяц до смерти.

Такая композиционная четкость создает стройную картину творчества писателя.

Впрочем, в Юбилейном издании в расположении материала имеются неизбежные случаи отступления от хронологического принципа; так, «Отрочество» (1854) и «Юность» (1857) публикуются непосредственно вслед за «Детством» (1852), тогда как между «Детством» и «Отрочеством» были написаны и опубликованы рассказы «Набег» и «Записки маркера», а между «Отрочеством» и «Юностью» — рассказы «Рубка леса», три севастьяпольских рассказа, «Метель», «Два гусара», «Утро помещика», «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный». Однако это отступление нельзя не признать правильным уже потому, что так сделал сам Толстой при издании в 1856 г. своего первого собрания сочинений в двух томах. В первый том вошли «Детство» и «Отрочество», а во второй (под общим заглавием «Военные рассказы») — законченные к тому времени рассказы. Так же расположены произведения в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого» в двух частях, изданных Ф. Стелловским в Петербурге в 1864 г.: в первом томе объединены «Детство», «Отрочество» и «Юность».

Имеются в издании и необоснованные нарушения хронологического принципа. Некоторые художественные произведения, правда, исключительно из числа незавершенных, по различным, не всегда объяснимым причинам не вошли в соответствующие тома. Они опубликованы только в дополнительном т. 90.

Кроме двух рассказов семилетнего Толстого, которыми открывается раздел незавершенных произведений (т. 1), сохранились еще пять маленьких рассказов из рукописного журнала «Детские забавы». Первая страница его с двумя рассказами: «Орел» и «Сокол» была в 1912 г. факсимильно воспроизведена в книге «Новый сборник писем Л. Н. Толстого» (М., изд. «Окто»), и оттуда текст их перепечатан в т. 1 Юбилейного издания. Подлинная рукопись не была, видимо, известна редактору. Журнал «Детские забавы» полностью опубликован позднее в «Литературном наследстве» (т. 35-36), а затем вошел в дополнительный т. 90. Не вошли в т. 1 также сочинения из ученической тетради Толстого, его детское сочинение «Рассказы дедушки» и стихотворение-эпитафия А. И. Остен-Сакен, написанное в 1841 г. (хотя оно было напечатано еще в 1911 г. в № 1 журнала «Душеполезное чтение» и, следовательно, должно было быть известно при подготовке т. 1). Может возникнуть вопрос, следует ли включать в собрание сочинений писателя его детские произведения. Нам представляется правильным, что Редакторский комитет Юбилейного издания решил этот вопрос положительно и в т. 1 включил несколько детских работ Толстого. Жаль, что этот маленький раздел распался на две части, из которых меньшая напечатана в т. 1, а большая — в т. 90.

По непонятным причинам не вошел в т. 5 набросок «Прежде всех в селе узнали...», примыкающий к рассказам «Идиллия» и «Тихон и Маланья» (автограф находился среди рукописей наброска «Тихон и Маланья»). В т. 17 не вошли заметки к неосуществленному роману о русских богатырях (автограф находился среди рукописей «Азбуки»); шуточные сцены для детского спектакля, написанные детским почерком, возможно, под диктовку Толстого, с многочисленными его исправлениями (см. ниже). Нельзя понять, как мог оказаться забытым набросок «Вечерние повести», если в 1912 г. в «Новом сборнике писем Л. Н. Толстого» была факсимильно воспроизведена первая страница автографа, и вся рукопись находилась в Библиотеке им. В. И. Ленина среди других автографов Тол-

стого. В тт. 37 и 38 должны были войти наброски начала сказки «В некотором царстве...», начало неизвестной пьесы, а также переработанный для детей текст сказки «Ассирийский царь Ассархадон», который еще в 1913 г. опубликован П. И. Бирюковым в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого» (т. XVI).

Все перечисленные наброски, пропущенные в соответствующих томах, вошли в т. 90, а два наброска вовсе не попали в издание: «Записки священника» (печатаются в настоящем томе «Литературного наследства») и небольшой набросок к неосуществленному роману о богатырях, непосредственно примыкающий к наброску, опубликованному в т. 90 (вошел в статью Э. Е. Зайденов «Работа Л. Н. Толстого над русскими былинами». — Сб. «Русский фольклор», т. V. Л., 1960, стр. 365).

Как видим, пропуски малочисленны, а самые наброски невелики по объему, и, разумеется, все это лишь досадные недочеты издания, но не порок его.

Следует отметить еще один случай отступления от хронологического порядка в расположении сочинений. Произведения, написанные в 1904—1906 гг. («Большая Медведица», «Корней Васильев», «Ягоды», «Молитва», «За что?», «Божеское и человеческое», «Было старцу искушение...», «Камни»), Толстой включил в «Круг чтения», который впервые был издан в 1906 г. «Круг чтения» составил в Юбилейном издании тт. 41 и 42. «Круг чтения» — это единая цельная книга, и, разумеется, ничего из нее нельзя изымать; однако было бы целесообразно в предисловии к т. 36, который содержит произведения 1904—1906 гг., назвать произведения из «Круга чтения», относящиеся к этому периоду, указав, что они публикуются в тт. 41 и 42. Во всех собраниях художественных сочинений Толстого, выходявших в 1928—1959 гг., произведения, включенные в «Круг чтения», печатаются наряду с другими в общем хронологическом порядке, и только в Юбилейном издании эти повести и рассказы отсутствуют в общем ряду. Поэтому-то особенно нужна была в соответствующих местах ссылка на «Круг чтения».

Некоторое сомнение вызывает принятое в Юбилейном издании решение вопроса о тех произведениях, которые печатались сначала отдельно, а позднее были включены Толстым в «Круг чтения». Это — «Зерно с куриное яйцо», «Кающийся грешник», «Сестры» и «Суратская кофейная». В Юбилейном издании они печатаются дважды, сначала в тех томах, где они должны быть по хронологии («Зерно с куриное яйцо» и «Кающийся грешник» — в т. 25, «Сестры» и «Суратская кофейная» — в т. 29), а затем повторяются в «Круге чтения». Быть может, в тт. 25 и 29 можно было бы ограничиться ссылками на «Круг чтения»?

Следует отметить ошибку в публикации наброска, озаглавленного «Характеры и лица». Он отнесен к рукописям «Романа русского помещика» и опубликован среди вариантов к «Роману» (т. 4, с. 377—380), тогда как это набросок самостоятельного незавершенного произведения.

Говоря о полноте издания, нельзя не остановиться еще на одном вопросе. По плану издания предполагались дополнительные тома, в один из которых должны были войти произведения различных авторов, исправленные Толстым. Намерение это не осуществилось. Вошли в собрание сочинений лишь те из переработанных или только исправленных произведений, которые Толстой включил в «Круг чтения», как, например, «Первое горе» Л. А. Авиловой, отрывок из «Отверженных» В. Гюго, опубликованный под заглавием «Епископ Мириель» (изложение сделано Е. В. Оболенской и исправлено Толстым) и др. В некоторых из них поправок Толстого меньше, нежели в тех, которые не отражены в издании.

Среди не вошедших в Юбилейное издание имеются исправленные Толстым сочинения учеников яснополянской школы Пелагеи Ермиловой и

Василия Морозова, в том числе сочинение Морозова «Солдаткино житье», которое спустя десять лет Толстой, вновь несколько исправив, включил в «Азбуку» (см. т. 21, с. 226—230). А в 1911 г. в издательстве «Посредник» вышла книжечка под заглавием «Солдаткино житье» с указанием: «Рассказ Л. Н. Толстого и его учеников Макарова и Морозова». Не включено сочинение на пословицу «Ложкой кормит, стеблем глаз колет», писавшееся учениками вместе с Толстым, причем большая часть текста принадлежит Толстому. Сохранившиеся рукописи свидетельствуют о редактировании Толстым переделок сказок, опубликованных в «Книжках» «Ясная Поляна» под заглавием «Неправедный суд» и «Три сестры», рассказа «Ермак» и др.

К этому же разделу относится сказка Ч. Диккенса «Рождественские колокола» («Christmas Carol»); изложение сказки было выполнено А. А. Рутцен, Толстой внес ряд стилистических и смысловых исправлений и сделал вставку ко второй главе. В 1887 г. сказка издана в «Посреднике» под заглавием «Рождественская сказка» без указания участия Толстого в ее переработке.

В текст французской сказки «Материнское сердце», очень понравившейся Толстому, он внес несколько исправлений. Она опубликована в 1912 г. в сборнике «Цветник»; участие Толстого также не отмечено. Рассказ Т. А. Кузминской «Бабыя доля» дважды перерабатывался Толстым: осенью 1885 г. по рукописи, а затем через год по печатному экземпляру издания «Посредник». Исправления и дополнения Толстого столь значительны, что могли бы даже дать право считать Толстого не столько редактором, сколько соавтором рассказа, которому он сам дал заглавие. Изданные в «Посреднике» повесть Е. С. Некрасовой «Юлиания Лазаревская» (1886) и пьеса Н. А. Полушина «Что такое жена» (1887), как свидетельствуют сохранившиеся рукописи, также исправлялись Толстым, но участие его тоже не отмечено в изданиях. Сохранились значительно исправленные и частью переработанные Толстым рукописи сочинений крестьян, написанные в форме дневников, рукопись очерка А. Шкарвана «Брат Иван Палечек, шут чешского короля Юрья» и др.

Перечисленные произведения, собранные вместе, составили бы весьма интересное прибавление к собранию сочинений, рассказывающее о Толстом-редакторе.

Таковы большие достоинства, но и немалые промахи в отношении публикации художественных произведений этого первого полного собрания сочинений Толстого.

2

Главная задача столь авторитетного издания — дать точные тексты произведений, которые в дальнейшем можно было бы смело перепечатывать как в разного типа собраниях сочинений, так и в отдельных изданиях. Редакторским комитетом так именно и был поставлен вопрос: «Юбилейное издание впервые дает полный, критически выверенный текст», в основу текста произведений «кладутся подлинные рукописи автора и наиболее авторитетные прижизненные издания произведений, печатавшихся или самим Толстым или по его поручению» (т. 1, с. XIII, XIV).

В прижизненных изданиях текст сочинений Толстого, как правило, механически переходил из одного собрания сочинений в другое, и мысли о необходимости его проверки не возникало. Позднее какие-то попытки делала в этой области жена Толстого, осуществлявшая с 1886 г. все издания собраний его сочинений. В те годы текстологии в ее теперешнем понятии еще

не существовало, и намерения С. А. Толстой использовать авторские рукописи для исправления текста некоторых произведений оказались весьма неудачными (см. комментарии к «Детству» — т. 1, к «Набегу» — т. 3).

В Юбилейном издании стремились применять научные методы, выработанные советской текстологией. С этой целью публикация произведений осуществлялась в двух разделах: произведение в его законченном виде, варианты к нему, печатные и рукописные.

В подготовке к изданию художественных произведений перед каждым из редакторов стояла одна и та же задача, но каждым она была решена по-своему. Для произведений, печатавшихся при жизни Толстого, надо было прежде всего определить наиболее авторитетное издание. Казалось бы, выбор прижизненного исправного издания не представляет большой трудности, в действительности же для многих произведений он сложен. Каждое творение Толстого имело свою судьбу, так или иначе отразившуюся на тексте, и, следовательно, каждое произведение требовало своего решения вопроса о выборе текста.

Прежде всего редакторам предстояло выполнить трудоемкую работу по сличению прижизненных изданий, установить разночтения и на основе сохранившихся материалов — дневников, писем Толстого и других документов — выбрать наиболее авторитетный текст, в издании которого Толстой принимал непосредственное участие. Эта необходимая сверка осуществлена по всем художественным произведениям. В результате редакторской проверки выяснилось, однако, что прижизненное издание, даже самое авторитетное, далеко не всегда отражает в полной мере авторскую волю, — и в лучшие издания вкрались большие ошибки. В комментариях к каждому произведению с необходимой полнотой говорится об этом и дано обоснование выбора текста.

Для большинства произведений не представило большого труда остановиться на том из прижизненных изданий, в котором, по свидетельству документов, Толстой принимал непосредственное участие. Иногда же такой выбор был труден, потому что первая публикация некоторых произведений осуществлялась параллельно в разных изданиях и с некоторыми различиями в тексте. Например, рассказ «Хозяин и работник» печатался одновременно в «Посреднике», в журнале «Северный вестник» и в т. XIV собрания сочинений Толстого (1895 г.). Изучение вопроса привело редактора А. С. Петровского к выводу, что для издания в «Посреднике» рассказ подвергся дополнительной авторской правке: внесено 184 различных исправления. Для Юбилейного издания редактор совершенно правильно выбрал текст издания «Посредника».

Пьеса «Первый винокур» дважды была издана в «Посреднике», в 1886 и в 1887 гг., причем в этих изданиях имеются разночтения. Не найдя никаких доказательств, что исправления, сделанные во втором издании, принадлежат Толстому, а не редакции издательства, редактор Н. К. Гудзий отверг их, справедливо считая, что «ошибки писателя фактические и стилистические не дают повода для редакторского их исправления» (т. 26, с. 676). В Юбилейном издании пьеса печатается по первому изданию с исправлениями по рукописям.

Легенда «Зерно с куриное яйцо», которая напечатана в Юбилейном издании дважды (см. выше), дана в разных редакциях. В т. 25 она печатается по тексту, опубликованному в «Сочинениях Л. Н. Толстого», ч. 12. М., 1886. Быть может, редактор В. И. Срезневский сознательно выбрал для тома произведений 80-х годов эту редакцию; но следовало хотя бы в комментариях отметить, что Толстой включил легенду в «Круг чтения» и, правя в 1906 г. корректуру, внес в текст легенды несколько стилистических поправок. В «Круге чтения» (т. 42; редактор Н. Н. Гусев) легенда печатается по тексту «Круга чтения» (изд. 1906 г.).

Текст севастопольских рассказов (т. 4) претерпел, как известно, большие гонения цензуры и вмешательство редакции «Современника», стремившейся ценою смягчений авторского текста и даже самовольных вставок в него спасти рассказы Толстого от полного запрещения их цензурой.

Текст рассказа «Севастополь в декабре», напечатанный в книге «Военные рассказы гр. Л. Н. Толстого» (СПб., 1856), справедливо выбран за основной. Однако редактор В. И. Срезневский допустил в рассказе неоправданные текстологические изменения (см. т. 4, с. 386). В двух местах он исключил принципиально важные фразы о патриотизме. В последующих изданиях собрания сочинений Толстого исключенный в Юбилейном издании текст был восстановлен. Ошибку Юбилейного издания отметил Н. К. Гудзий в редакторских замечаниях к севастопольским рассказам, помещенным в «Собрании художественных произведений Л. Н. Толстого» (М., биб-ка «Огонек», 1948, т. 1, стр. 490). За основу публикуемого текста рассказа «Севастополь в мае» редактор принял рукопись, собственноручно подписанную и датированную Толстым, сочтя ее за наборную. Позднее было установлено, что в Петербург была отправлена, очевидно, другая рукопись, в которую были внесены дополнительные авторские исправления (см. Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии. М., 1954, стр. 587). Эта рукопись не сохранилась, но имеется корректура, представленная редакцией «Современника» в цензурный комитет. Ее следовало положить в основу издания и дополнить теми исправлениями, которые автор внес в отдельное издание «Военных рассказов» (1856).

«Казаки» (т. 6; редактор А. Е. Грузинский) напечатаны по первой журнальной публикации («Русский вестник», 1863), сверенной со следующим прижизненным изданием, повторившим без изменений первое. Следует, однако, отметить, что ввиду сложности рукописного фонда «Казаков» редактор не использовал его при подготовке окончательного текста, что явно неправильно. Кроме устранения опечаток, редактор «Казаков», так же как и редакторы некоторых других произведений, вносил в текст Толстого не всегда оправданные конъектуры (см. об этом статью Н. Н. Гусева «Из наблюдений над языком и стилем Толстого» — в сб. «Толстой-художник». М., 1961, стр. 434—436).

Для некоторых произведений редакторы по различным мотивам не сочли возможным признать авторитетным ни одно из прижизненных изданий и печатали их по последним корректурам, либо по наборным рукописям. Мотивы с разной степенью убедительности изложены в комментариях. Повесть «Крейцерова соната», например, печатается «по последней авторизованной Толстым рукописи», так как редактор Н. К. Гудзий пришел к выводу, что ни один из печатных текстов повести не является авторитетным (т. 27, с. 603). Сказка «Работник Емельян и пустой барабан», подвергшаяся строгой цензуре, печаталась при жизни Толстого шесть раз в России и три раза за границей. В Юбилейном издании, как сообщает редактор В. И. Срезневский, в результате изучения всех материалов положен в основу текст последней рукописи (т. 25, с. 737).

Повесть «Ходите в свете, пока есть свет», опубликованная в 1892 г. в Женеве в изд. Эллидина, а в 1893 г. — в России с цензурными изъятиями, напечатана в Юбилейном издании по рукописи (т. 26, с. 741). По рукописи печатается также притча «Три сына», хотя она публиковалась при жизни автора, но, как утверждает редактор П. В. Булычев, в «чрезвычайно искаженном» виде (т. 26, с. 744).

Большие трудности встретились при установлении авторитетного прижизненного издания для романов «Воскресение» и «Анна Каренина». В этом вопросе редактор Н. К. Гудзий проявил смелость. Первыми

ТОЛСТОЙ ЗА РАБОТОЙ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ КАБИНЕТЕ

Автофотография Л. О. Пастернака, 1908 г., с дарственной надписью художника Дурлыгина С. Н.

Собрание И. А. Дурлыгина, Москва

изданиями «Воскресения» являются подцензурная публикация в журнале «Нива» и одновременно с ней выходившее в Англии бесцензурное издание Черткова («Свободное слово»). Редактор Юбилейного издания проанализировал условия, при которых осуществлялось заграничное издание, и в комментарии рассказал о них. Это издание набиралось по дубликатам нецензурированных корректур «Нивы», причем в нескольких случаях ошибочно посылались за границу корректуры второго набора уже с цензурными искажениями, которые таким образом попали в заграничное издание. Редактор пришел поэтому к выводу, что существующие печатные тексты «Воскресения» «ни в какой мере не могут быть признаны авторитетными с точки зрения их исправности» и что правильный текст «может быть установлен лишь путем непосредственного обращения к корректурным гранкам. Корректурные гранки являются единственной надежной основой (...) для сконструирования окончательного, критически проверенного текста» (т. 32, с. VII и 521—522).

Для установления текста «Анны Карениной» имелись два прижизненных издания, появившиеся в период активного интереса Толстого к этому роману: журнальная публикация «Русского вестника» (1875—1877) и первое отдельное издание (1878), наборной рукописью для которого послужил исправленный автором и Н. Н. Страховым текст «Русского вестника». Редактор Н. К. Гудзий остановился не на отдельном издании, а на подготовленном для него журнальном тексте, с частичными исправлениями по отдельному изданию (т. 19, с. 470—473).

Здесь речь идет только о выборе основного текста. О прочих текстологических вопросах, связанных с «Анной Карениной», говорится в другом месте.

Необходимо особо остановиться на выборе текста «Войны и мира». В Юбилейном издании роман занимает тт. 9—12, которые вышли в 1930—1933 гг. В связи с увеличением тиража Юбилейного издания эти тома были переизданы в 1937 г., причем это не было механической допечаткой дополнительного тиража, — «Война и мир» печаталась заново.

Кратко об истории печатания этого романа. Первое отдельное издание «Войны и мира» вышло в шести томах в 1868—1869 гг. В те же годы появилось второе издание также в шести томах с немногочисленными стилистическими разночтениями в томах I—IV; тома V и VI печатались в обоих изданиях с одного набора. В 1873 г. вышло третье издание собрания сочинений Толстого, и тогда «Война и мир» была впервые включена в собрание сочинений. Для этого издания Толстой существенно переработал роман: главы с историко-философскими рассуждениями изъясил из основного текста, перенес их в приложение и объединив под общим заглавием «Статьи о кампании двенадцатого года»; часть рассуждений, являвшихся вступлением к отдельным частям, он совсем откинул. Помимо этого он заменил французский текст русским переводом его, а также провел небольшую стилистическую правку по всему роману (в переработке «Войны и мира» Толстому помогал Н. Н. Страхов). Создалось произведение несколько иного типа. В таком же виде оно было напечатано еще раз в составе четвертого издания собрания сочинений Толстого (1880). В 1886 г. вышло два издания собрания сочинений Толстого — пятое и шестое. В пятом — роман полностью возвращен к тексту первого издания без учета правки 1873 г., но с распределением на четыре тома; то же в шестом издании, но без восстановления французской речи. В дальнейшем роман «Война и мир» печатался: в седьмом (1887), восьмом (1889) и десятом (1897) изданиях собраний сочинений — по шестому изданию, т. е. без французской речи, а в девятом (1893) и одиннадцатом (1903) — по пятому изданию. Следовательно, нельзя говорить о каком-либо точно определившемся при жизни писателя тексте романа.

В первом тираже Юбилейного издания (1930—1933; т. 1: редактор А. Е. Грузинский; тт. 2—4: А. Е. Грузинский и М. А. Цявловский) за основной принят текст пятого издания 1886 г. с частичным, по выбору редакторов, введением исправлений, сделанных в издании 1873 г. Изучение материалов привело редакторов второго тиража Г. А. Волкова и М. А. Цявловского к иному решению. Они не сомневались, что Толстой сам правил корректуры второго издания 1868—1869 гг. и внес «в пределах первых четырех томов» незначительные исправления. Бесспорным для них было и то, что в 1873 г. одновременно с композиционной перестройкой и заменой французской речи русской Толстой сам подверг весь текст романа «большой стилистической переработке». В результате этих соображений редакторы признали наиболее авторитетными второе издание 1868—1869 гг. и третье издание 1873 г. Напечатанный ими текст «Войны и мира», согласно их заявлению, «является в силу необходимости контаминированным» (т. 9, 1937, с. VIII, XIII). Формально иное решение вопроса о выборе текста «Войны и мира» во втором тираже дало мало отличий в основном тексте романа от текста, опубликованного в первом тираже. Стилистические поправки издания 1873 г. внесены в текст первого тиража более скупо, а в текст второго значительно полнее, но в обоих случаях по субъективному выбору редакторов. Самым существенным отличием явились подстрочные переводы французской речи. В первом тираже переводы французских текстов даны по изданию 1886 г., что совпадает с первым изданием 1868—1869 гг., а во втором — в качестве переводов использован русский текст издания 1873 г., причем это допускалось даже в тех случаях, когда текст издания 1873 г. представлял «собой не дословные переводы <...>, а пересказ смысла этих выражений по-русски» (т. 9, 1937, с. XIII).

Ни одно из предложенных решений относительно основного текста «Войны и мира» нельзя принять полностью.

Ко времени подготовки для Юбилейного издания обоих тиражей «Войны и мира» был известен факт участия Н. Н. Страхова в издании 1873 г. В письмах к Толстому Страхов подробно сообщал о своих исправлениях в историко-философских рассуждениях в романе, а по поводу стилистической правки отметил лишь, что сделал «множество мелких исправлений», но «вычеркнул всего в двух местах по две, по три строки, — там, где надобность была совершенно очевидна» («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». СПб., 1914, стр. 33—34).

Уже после 1937 г. обнаружили материалы первостепенной важности, раскрывающие в большой мере процесс переработки романа в 1873 г. Документы эти следующие: экземпляр последних томов «Войны и мира» в издании 1868—1869 гг. с подлинными исправлениями Толстого и Страхова для нового издания 1873 г. (хранится в АТ); письма Толстого к Страхову 1873 г., относящиеся ко времени переработки «Войны и мира» (т. 62, №№ 25, 27, 31, 33, 35). Экземпляр романа с исправлениями Толстого дает возможность установить, что сделал сам Толстой и что сделал Страхов (собственноручные исправления Толстого опубликованы Н. Н. Гусевым в «Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 193—199). А из писем Толстого стало известно: 1) что Страхов исправлял *после* Толстого; 2) что Толстой, посылая Страхову на суд исправленный им экземпляр, писал: «если вы найдете, что дурно, даю вам право уничтожить поправку и поправить то, что вам известно за дурное»; относительно помещенных в конце книги «рассуждений военных, исторических и философских» Толстой также передал все права Страхову: «если вы какие из них найдете излишними, выкиньте». Благодаря письмам Толстого уточняются факты, имеющиеся в ответных письмах Страхова. Теперь ясно, что исправленные Страховым тома I—IV «Войны и мира» Толстой не видал, так как Страхов переслал их непосредственно в типографию.

Сличение обнаруженного исправленного экземпляра последних томов «Войны и мира» с текстом Юбилейного издания убеждает в том, что большая часть принятых редакторами стилистических исправлений принадлежит не Толстому, а Страхову, и имеются случаи, когда правка Толстого оказалась не принятой. Кроме того, в оба тиража Юбилейного издания в качестве стилистической правки, будто бы сделанной Толстым, включены из второго издания 1868—1869 гг. и из издания 1873 г. явные опечатки, отнюдь не улучшающие текст Толстого. Приведем один только пример. Кутузов писал старому князю Болконскому: «Ваш сын надежду подает быть офицером из ряду выходящим по своим *знаниям*, твердости и исполнительности...». В издании 1873 г. по ошибке набора вместо *знаниям* печатается *занятиям*, что совершенно неуместно в контексте письма. Явная опечатка была принята за исправление Толстого и введена в Юбилейное издание (т. 9, с. 150).

В двух статьях, посвященных Юбилейному изданию (Б. М. Эйхенбаума «90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого» — журн. «Русская литература», 1959, № 4, и Л. Д. Опульской «Фундаментальное издание». — «Вопросы литературы», 1960, № 2), авторы по-разному оценивают выбор текста «Войны и мира». Б. М. Эйхенбаум, признавая трудность вопроса об основном тексте прижизненного издания, считает решение его в Юбилейном издании как в первом, так и во втором тираже, спорным, ибо, по его убеждению, «контаминировать второе издание с третьим нельзя». Л. Д. Опульская придерживается другого мнения и считает «вполне обоснованным» решение «о выборе основного текста „Войны и мира“, принятое во втором выпуске 9—12 томов Юбилейного издания, и о внесении в него правки по изданию 1873 г.».

Нам не известны документы, которые позволили бы смело утверждать, как это отмечено в «Вопросах литературы», что издание 1873 г. было в 1880 г. повторено «без участия Толстого», а что в 1886 г. пятое издание, в котором «произошел возврат к тексту первого издания 1868—69 г.», делалось «не без ведома Толстого». А как же отнестись в таком случае к шестому изданию того же 1886 г., в котором композиционно роман дан по изданию 1868—1869 г., а французский текст заменен русским? Произошло это с ведома или без ведома Толстого?

Какие основания утверждать, что возврат к первоначальной композиции произошел в 1886 г. потому, что, переработав в 1873 г. текст «Войны и мира», Толстой «должен был убедиться, что по всем законам художественной композиции „приложение“ либо нужно отсечь совсем, либо восстановить в тексте» и «первое решение противоречило бы общим принципам писательской манеры Толстого». Из чего это все следует, в статье не раскрыто. «Что касается замены французских фраз русскими, — утверждает далее Л. Д. Опульская, — то этот эксперимент издания 1873 г. также не был художественно оправдан, замена французской речи русской «вела к обеднению стиля романа» и «сам Толстой писал, что „уничтожение французского“ ему „было жалко“». Нам известно, что Толстой писал: «Уничтожение французского иногда мне было жалко, но в общем, мне кажется, лучше без французского». А относительно композиционной перестройки Толстой тогда же писал: «Рассуждения военные, исторические и философские, мне кажется, вынесенные из романа, облегчили его и не лишены интереса отдельно» (т. 62, с. 34). Эти авторские свидетельства, разумеется, не дают оснований признать издание 1873 г. самым авторитетным; но в такой же степени не дают права считать издание 1873 г. «боковой редакцией», а принятый в Юбилейном издании контаминированный (каким считают его сами редакторы) текст «Войны и мира» признавать основанным «на следовании творческой воле автора, представленной в данном случае двумя изданиями». Нам представляется также слишком категоричным заявление,

будто теперь «достоверно известно», что для издания 1873 г. «исправлял текст сам Толстой, а не Страхов, и что автор с величайшим вниманием относился к стилистической правке романа». Известно стало теперь другое: переработав текст романа, Толстой послал его Страхову, прося «просмотреть» сделанные поправки и «сказать свое мнение», а также дав ему право не только «уничтожить» не одобренную им поправку, но и «поправить» то, что он сочтет «за дурное» (т. 62, с. 34). И позднее Толстой подтвердил данные им Страхову «полномочия»: «Делайте, что хотите, именно в смысле уничтожения всего, что вам покажется лишним, противуречивым, неясным» (т. 62, с. 46). Известно далее, что Толстой просил Страхова, просмотрев и поправив экземпляр, переслать его в Москву, непосредственно в типографию (т. 62, с. 34), что Страхов и выполнил (т. 62, с. 45). Главнейшим свидетельством того, что стилистическая правка в большей своей части принадлежит Страхову, а не Толстому, является упомянутый выше экземпляр тт. V и VI «Войны и мира» в изд. 1869 г., исправленный в 1873 г. Толстым, а затем Страховым.

На «Войне и мире» нам пришлось надолго задержаться потому, что вопрос об авторитетном тексте романа оказался очень сложным, и он требует серьезного дополнительного изучения с учетом всех новых материалов, которые не были известны ко времени печатания «Войны и мира» в Юбилейном издании.

Выбор основного текста — это первая задача редактора при подготовке научного издания произведений. Затем предстоит критическая выверка текста по всем печатным и рукописным источникам, изучение истории создания с тем, чтобы иметь возможность освободить текст произведения от всевозможных посторонних наслоений: ошибок переписчиков и наборщиков, правки редакторов, цензурных искажений. Нет необходимости доказывать, что механическая перепечатка авторизованного текста влечет за собой повторение ошибок, вкравшихся по различным причинам в прижизненное издание. Инструкцией Редакторского комитета текстологическая работа была, разумеется, предусмотрена и по отношению ко всем произведениям проведена, хотя не ко всем в равной мере хорошо.

Прежде всего предстояло освободить произведения Толстого от цензурных искажений. С этой задачей Юбилейное издание справилось вполне удовлетворительно. Текст Толстого восстановлен. Кроме того в комментариях имеется перечень восстановленных мест, и таким образом в этом издании впервые дана полная сводка цензурных искажений.

Но вмешивалась в текст Толстого не только цензура. «Исправляли» тексты Толстого лица, помогавшие ему при печатании его произведений, и редакторы-издатели. Участие их разное. В одних случаях исправлялся текст по личной инициативе того, кто это делал. Тут мотивы были двоякие. То казалось, что надо исправить какую-то шероховатость, устранить неточность или противоречие; более серьезны нарушения авторского текста по идейным соображениям, когда издатель или редактор брал на себя смелость навязывать произведению Толстого свою точку зрения. В большинстве случаев роль помощника ограничивалась стилистической правкой, — то с последующим утверждением ее автором, то под личной ответственностью того, кто выполнял эту работу.

«Образцом» вмешательства в толстовский текст по идейным и «вкусовым» соображениям является повесть «Крейцерова соната», которую «исправляла» С. А. Толстая. Ее «правка» справедливо редактором Н. К. Гудзием снята (т. 27).

Трое близких знакомых Толстого прикоснулись к текстам трех романов великого писателя. К «Войне и миру» — П. И. Бартенев и впослед-

ствии Н. Н. Страхов, к «Анне Карениной» — Н. Н. Страхов и к «Воскресению» — Г. А. Русанов. Как бы ни были различны полномочия, которые им дал Толстой, вмешательство их свелось главным образом к одному: к доработке авторского текста в меру их собственного разумения. «Исправления» коснулись исключительно стиля или грамматического строя фраз, замены отдельных слов другими. Толстой дал этим лицам свободу действия, в результате чего посторонние исправления беспрепятственно вошли в законченное произведение.

Перед редакторами Юбилейного издания встал вопрос: как отнестись к текстам, появившимся хотя и с согласия Толстого, но не им написанным, особенно в тех случаях, когда они не были просмотрены Толстым.

Текст «Войны и мира» сверялся в Юбилейном издании исключительно по печатным источникам (список разнотечий приложен к каждому тому). Вопрос же о выверке текста по рукописным источникам даже не ставился, и все обилие ошибок переписчиков и наборщиков, частичные исправления Бартенева, сделанные в 1868 г. в третьей части первого тома, а также правка по всему тексту, сделанная Страховым в 1873 г., полностью сохранились в романе. Иначе обстоит дело с двумя другими романами, на текстах которых тоже отразилось активное вмешательство посторонних лиц: в «Анне Карениной» — Страхова, в «Воскресении» — Русанова (в Юбилейном издании редактор обоих романов Н. К. Гудзий).

Когда готовилось к печати первое отдельное издание «Анны Карениной», гостивший в Ясной Поляне Страхов предложил Толстому свои услуги по просмотру журнального текста романа. Страхов впоследствии сам описал круг своих обязанностей: «Я взялся прочитывать наперед, исправлять пунктуацию и явные ошибки и указывать Льву Николаевичу на места, которые почему-либо казались мне требующими поправок, — преимущественно, даже почти исключительно, неправильности языка и неясности. Таким образом, сперва я читал и наносил свои поправки, а потом Лев Николаевич. Так дело шло до половины романа, но потом Лев Николаевич, все больше и больше увлекался работой, перегнал меня, и я исправлял после него, да и прежде всегда просматривал его поправки, чтобы убедиться, понял ли я их и так ли работаю, потому что мне предстояло держать корректуру» (т. 20, с. 642—643). Действительно, корректуру первого отдельного издания «Анны Карениной» правил Страхов, внесший при этом в текст романа ряд исправлений стилистического и грамматического характера. Редактор Юбилейного издания отверг поправки Страхова, сделанные в корректуре, и полностью принял все, что Страхов внес в материал, подготовленный к печати. По заявлению редактора, в основу публикуемого им романа лег «исправленный Толстым и Н. Н. Страховым» текст (т. 18, с. 459).

Иная судьба «Воскресения», в текст которого были внесены изменения Русановым. Редактор Юбилейного издания так характеризует это лицо: «Русанов, человек литературно образованный, Толстому близкий, его единомышленник и преданный почитатель, несомненно, мог взяться за это дело, как брались в других случаях за него по поручению Толстого П. И. Бартенев, Н. Н. Страхов, Н. Я. Грот, В. Г. Чертков». Русанов предлагал свои услуги по другому поводу раньше «Воскресения», и «очень вероятно, поэтому, что Толстой, воспользовавшись таким предложением Русанова, поручил ему сделать грамматические исправления в „Воскресении“» (т. 33, с. 407—408). По наблюдениям редактора Юбилейного издания, «в ряде случаев исправления Русанова с точки зрения обычных грамматических и стилистических требований не могут вызвать возражений <...> Наряду с этим сделаны исправления, которые трудно объяснить иначе, как личным вкусом исправлявшего <...> В иных случаях исправления Русанова обезличивали толстовский текст или вообще ухудшали его».

Редактор обратил внимание и на тот факт, что Русанов стремился довести до сведения Толстого каждую свою поправку, подчеркивая ее. Тем не менее Н. К. Гудзий пришел к следующему выводу: «Поскольку эти исправления, захватывая меньше одной трети романа, не были систематическими и поскольку Толстой обнаружил к ним чисто пассивное отношение, не оспорив ни одного из них, несмотря на явную их неоправданность в иных случаях, они должны быть удалены из основного текста романа». Редактор выполнил это, приложив к Юбилейному изданию список отвергнутых им исправлений Русанова (т. 32, с. 507; т. 33, с. 407—408).

Кроме Русанова, в текст «Воскресения» вносили изменения Р. И. Сементковский как редактор «Нивы» и Чертков для заграничного издания романа. Исправлений Сементковского больше тысячи; по наблюдению Н. К. Гудзиев, они сводились к «приближению» языка Толстого к нормам условно правильного, общепринятого литературного языка, в понимании этих «норм» самим Сементковским, или просто сообразно своему вкусу. Исправления Черткова были исключительно грамматические. Редактор Юбилейного издания совершенно правильно поступил, исключив те и другие из текста «Воскресения».

Остается еще один, пожалуй, самый важный вопрос, относящийся к судьбе прижизненных изданий Толстого.

В тексты, выходившие из печати при непосредственном участии писателя, неизбежно проникали, кроме отмеченных выше неточностей, также искажения, появившиеся в авторских рукописях в период работы Толстого над произведением. Упорный труд писателя вызывал необходимость все новых и новых копий с авторских рукописей, над которыми продолжалась дальнейшая работа писателя,

Вследствие трудного для прочтения почерка Толстого переписчики часто неверно прочитывали слова Толстого, кроме того, по рассеянности или небрежности нередко допускали механические ошибки (пропуски слов, иногда даже целых фраз, перестановки слов и т. д.), и на столе писателя появлялась копия, не идентичная с автографом. Толстой работал над скопированным текстом не как редактор, выверяя слово за словом, а, поглощенный своей мыслью, как бы скользил по знакомому (так хорошо ему знакомому) тексту, останавливаясь на тех местах, которые по тем или иным творческим импульсам требовали исправления и переработки. Толстой не раз признавался, что он не замечает ошибок переписчиков (см. т. 60, с. 460—461; т. 61, с. 325). Иногда писатель не замечал даже того, что ошибка переписчика доводила текст до абсурда (см. ниже примеры). В результате многократной переписки накапливалось большое количество таких незамеченных огрехов, случайными виновниками которых были переписчики, даже самые опытные.

Процесс освобождения произведений классиков от таких случайных изъянов состоит в том, что редактор сличает рукопись за рукописью, слово за словом и таким образом обнаруживает ошибку копииста, дошедшую до печати. Выверка и исправление текстов по рукописям — одно из важнейших достижений Юбилейного издания, в этом вопросе приближающегося к принципам академического издания. В цитированном выше постановлении Редакторского комитета декларировано, что в основу текста произведений Толстого кладутся, кроме авторитетных прижизненных изданий, подлинные рукописи. Почти по всем произведениям Толстого с большей или меньшей тщательностью проведена такая выверка по рукописям. При подготовке к печати текста великих творений нет больших и малых вопросов: каждый штрих, каждое слово Толстого неприкосновенно. Переставленные переписчиком слова нарушают грамматический строй фразы, пропуск даже отдельных слов, как бы безразличны на первый взгляд они ни покажутся, обедняет словарь Толстого. Нечего говорить о тех

случаях, когда рассеянность копииста вызвала за собой пропуск целых фраз, что неизбежно повлекло за собой нарушение художественных достоинств или даже искажение смысла. Такого рода ошибки в большом количестве обнаружены редакторами Юбилейного издания. Требования, поставленные перед ними, совершенно четко сформулированы в одном из томов: «Считая главной задачей нашего издания — дать читателю никем не искаженный подлинный толстовский текст, исправляем все ошибки переписчиков, вошедшие в печатный текст, по подлинному толстовскому написанию того или другого слова или слов» (т. 27, с. 702; редактор Н. Н. Гусев). По законам научного издания каждое исправление учтено и мотивировано в комментариях.

Чем сложнее рукописный фонд произведения, тем труднее выполненные текстологической работы. Одной из лучших работ следует признать подготовку текста «Крейцеровой сонаты» (редактор Н. К. Гудзий). Остановившись на последней авторизованной рукописи повести, редактор справедливо отметил: «...так как эта рукопись представляет собой исправленную копию, в которую из предшествующих авторизованных копий попали ошибочные чтения, не замеченные Толстым, то текст ее сверяем с *автографическими* <курсив наш. — В. Ж. и Э. З.> текстами в их окончательной редакции». В результате этой сверки внесено в печатный текст больше 120 исправлений, список которых составлен редактором (т. 27, с. 603 и сл.).

При просмотре списка становится ясным, какого характера ущерб был нанесен переписчиками авторскому тексту. Безобидной, на первый взгляд, является перестановка слов внутри фразы: «без меня был» вместо «был без меня». Более сложен другой случай. До исправления: «Я не мог бы сказать, чего я желал. Я желал, чтоб она не хотела того, что она должна была хотеть». После исправления: «Я не мог бы сказать, чего я хотел. Я хотел, чтоб она не желала того, что она должна была желать». Глаголы «хотеть» и «желать» обменялись местами, и все, очевидно, произошло потому, что переписчик, запоминая смысл фразы, не следил за чередованием одинаковых по значению слов. Подобные случаи — мелочи только на первый взгляд.

Нельзя не порадоваться восстановлению редактором народных слов того времени, встречающихся в произведениях Толстого: «ярманка» вместо «ярмарка»; слово «ярманка» встречается в черновых вариантах «Войны и мира», в речи князя Андрея (т. 13, с. 114), в «Корнее Васильеве» («ярмонка» — т. 42, с. 474), в дневнике Толстого (т. 49, с. 38). Восстановлено «ворочались домой» вместо «возвращались домой», «девки ждут» вместо «девы ждут» и др. Как будто безразличные изменения обыденных слов фактически отрицательно сказывались на эмоциональном строе этого предельно эмоционального произведения. Позднышев мучается отсутствием жены: «А что как она не у сестры, а что-нибудь делает или уже сделала над собой? Одиннадцать, двенадцатый час». После восстановления толстовского текста: «...Одиннадцать, двенадцать, час». Вздурораженного Позднышева должно пугать стремительно летящее время, и менее естественно для него логическое заключение, что после 11 часов наступил 12-й час. Другой пример. В припадке ревности Позднышев представил себя на месте Трухачевского, якобы цинично думающего об его жене. Тут же Позднышев спохватывается и восклицает: «Нет, это невозможно!». Переписчик пропустил окончание реплики Позднышева, пришедшего в ужас от собственных мыслей. В подлинном виде так: «Нет, это невозможно! Что я думаю!».

Редактор зарегистрировал несколько пропусков толстовского текста (отдельных слов и целых фраз) и их восстановил. В другом месте, наоборот, потребовалось устранить значительный по объему текст, введенный

по рассеянности переписчика, не заметившего в рукописи пометы Толстого: «пр<опустить>». Отдельно редактор учел ошибки, допущенные С. А. Толстой при переписке самой важной для издания рукописи. Таких случаев семьдесят с лишним.

Так подробно остановиться на «Крейцеровой сонате» надо было потому, что при подготовке текста этого произведения тщательно применен метод научной текстологии: проведена сплошная выверка текста с анализом его от автографического написания до последней рукописи и прижизненных изданий. Главное достоинство работы редактора в том, что, обнаружив при анализе рукописей ошибки переписчика, он, на основании документов, восстанавливал подлинные слова Толстого, не допуская мысли о том, что невольная ошибка переписчика или вольная поправка редактора *улучшила* текст Толстого и потому, дескать, ее следует предпочесть словам Толстого. Строго соблюдая научные методы текстологии, редактор, однако, не обратил внимания на одно разночтение между автографом и копией, которое появилось не вследствие ошибки или намерения исправить шероховатость толстовского стиля, как это весьма часто бывало, а было вызвано исправлением *фактической* ошибки Толстого. Речь идет о том месте главы XXIII, где рассказывается о начале исполнения бетховенской «Крейцеровой сонаты». В первой редакции было так: «Они в одно время ударили аккорд, она на рояле, он на скрипке» (рук. 12, л. 64). Этот текст вошел в литографированное издание повести (см. об этом — т. 27, с. 588 и сл.). В следующей рукописи Толстой это место собственноручно исправил, и оно по-новому читается так: «Она взяла первый аккорд. У него сделалось серьезное, строгое, симпатичное лицо, и, прислушиваясь к своим звукам, он осторожно пальцами дернул по струнам и ответил роялю» (рук. 13, л. 86). Таково последнее автографическое написание. С. А. Толстая точно скопировала автограф, а затем уточнила именно это место (цитируем только расхождение): «Он взял первые аккорды <...> Рояль ответил ему». Так печаталось в первом и последующих изданиях. Исправление сделано С. А. Толстой в соответствии с действительным началом «Крейцеровой сонаты» Бетховена: начинается скрипка одним четырехзвучным аккордом, продолжает двойными нотами, и только через несколько тактов вступает рояль.

Несколько подобных мелких фактических погрешностей устранил в корректурах «Войны и мира» П. И. Бартенев (см. т. 61, с. 175). Их тоже надо принять. Известно, как охотно прислушивался Толстой к такого рода замечаниям. В одной из редакций «Чем люди живы» рассказано, что сапожник, получив деньги, «пообедал, выпил шкалик водки...» (рук. 24, л. 1). Копируя рукопись, переписчик отметил на полях: «Сапожники пьют натошак». Толстой это замечание учел. В первой редакции «Сказки об Иване дураке» говорилось, что Иван, поймав чёрта, стал бить его «об колодку сохи». Крестьянские дети, которым Толстой читал по рукописи свою сказку, заметили ошибку: надо не «колодка», а «приголовок» (Е. Т. З я б р е в. Воспоминания о Л. Н. Толстом. — сб. «Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом». Тула, 1960, стр. 225). По их указанию Толстой исправил эту неточность (т. 25, с. 118).

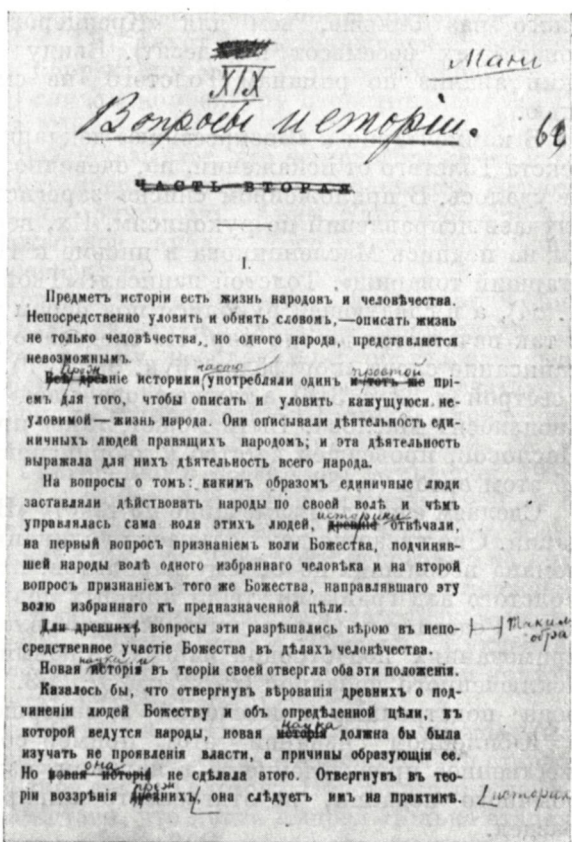
С большой текстологической тщательностью подготовлен текст «Власти тьмы». В комментарии к драме (т. 26, с. 726 и сл.; редактор Н. К. Гудзий) выдвинут еще один важный тезис: нельзя считать ошибками разночтения между рукописью, корректурой, печатным текстом в тех случаях, когда отсутствует промежуточная рукопись или корректура, поскольку нельзя быть уверенным, что обнаруженное изменение не сделано самим автором в отсутствующем документе. Таким образом видно, что принципы текстологии не только не снижались в процессе работы над Юбилейным изданием, а укреплялись и развивались (по поводу позднейшей правки

ПРАВКА Н. Н. СТРАХОВА
НА «СТРАНИЦЕ ПЕРВОГО
ИЗДАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА»
(т. VI, 1869)

Заглавие вписано Толстым

Правка делалась для третьего
издания «Собрания сочинений»
Толстого (1873)

Архив Толстого, Москва

Толстым текста «Власти тьмы» — см. публикуемые в настоящем томе «Литературного наследства» сообщения В. Ф. Булгакова и Н. К. Гудзия). Со строгим соблюдением принятых методов и с большой тщательностью проведена по всем рукописям выверка текста рассказов «Ягоды» и «Корней Васильев» (т. 41; редакторы Е. С. Серебровская и Б. М. Эйхенбаум), повести «За что?» (т. 42; редакторы Н. Н. Гусев и В. Д. Гусева), рассказа «Божеское и человеческое» (т. 42; редактор Н. К. Гудзий). Судя по приложенным спискам исправлений, нам представляются все исправления обоснованными и четко документированными.

Подобные списки исправлений, как это было предписано инструкцией, приложены ко многим произведениям, и они всякий раз убеждают, как важна, плодотворна и абсолютно необходима выверка текстов Толстого по рукописям. К сожалению, некоторые редакторы ограничились глухим сообщением: «проверено по рукописям» (см., например, т. 25, с. 674, 689; т. 26, с. 688; т. 34, с. 556), не раскрывая характера и количества внесенных исправлений, что следует отнести к недостатку этих томов, так как для научного издания документация текста необходима.

Текстологическая работа — одна из самых трудоемких, требующих большой затраты времени. Но как раз периоды подготовки некоторых томов Юбилейного издания, занятых крупнейшими произведениями с большими рукописными фондами, были весьма ограниченными. Например, в период с 25 октября 1932 г. по 20 июля 1934 г. были сданы в печать подготовленные одним редактором «Анна Каренина», «Воскресение» и «Крейцерова соната». Для «Анны Карениной», а также и для «Воскресения», насчитывающего семь тысяч листов рукописей, требуется времени во

много раз больше, чем для «Крейцеровой сонаты» (в «Крейцеровой сонате» их восемьсот пятьдесят). Ввиду сжатых сроков текстологический анализ по романам Толстого не смог быть осуществлен полностью.

В комментарии к «Воскресению» декларирован тот же метод очищения текста Толстого от искажений, но, очевидно, осуществить это в полной мере не удалось. В приложенном списке зарегистрировано только сорок семь случаев исправлений по рукописям. Их, вероятно, больше. Укажем хотя бы на подпись Масленникова в письме к Нехлюдову. Печатается: «Твой старший товарищ». Толстой написал: «Твой старый товарищ» (рук. 41, л. 84), а в следующей рукописи под пером переписчика стало «старший», и так печатается до сих пор. Не следовало ли бы восстановить авторское написание слова «портфёли» (рук. 99, л. 9), в сцене свидания Нехлюдова с сестрой (т. 32, с. 316), а также слова «плэд» (рук. 177, лл. 2 и др.), которое произносит Маслова. Быть может, такое произношение имеет смысл для Масловой, проводшей детство в дворянской семье, почему и позаботился об этом автор (т. 32, с. 388).

Сделаем еще одно замечание по тексту «Воскресения» в Юбилейном издании. Оно касается двух случаев публикации на страницах заверщенного романа небольших по объему вариантов, появившихся в связи с работой Толстого над гранками, текст которых подвергался цензурному воздействию. Редактором справедливо восстановлен первоначальный текст, а в примечаниях под строкой напечатан новый, написанный автором взамен исключенного цензурой (т. 32, с. 237, 253, 528). Вряд ли нужны такого рода подстрочные примечания к завершенному тексту, тем более, что в Юбилейном издании этот пример составляет исключение. Художественное произведение и в научном издании должно сохранять тип обычного издания, не отягченного аппаратом, которому отведен свой раздел.

При редактировании «Анны Карениной» рукописи привлекались только в тех немногих случаях, когда редактору при сравнении двух изданий, исправленного Толстым журнального и первого прижизненного, пришлось решать, какому тексту отдать предпочтение. В пределах этой задачи редактор проявил самое серьезное отношение к текстологической проблеме (т. 19, с. 473 и сл.). Например, рукописи использованы для установления закономерности в написании отчества Левина (Дмитрич, а не Дмитриевич) или, наоборот, чтобы констатировать отсутствие последовательности в написании отчества Кознышева (то Сергей Иванович, то Сергей Иванович). Факт кропотливого изучения рукописей подтверждается исканием правильного применения слов *помнил* или *понимал* (разночтение в указанных изданиях), — речь идет о слове, имеющемся в описании восторгов Левина на катке: *помнил* или *понимал* Левин «ее особенную прелесть». Только после упорной работы редактор имел основание заявить, что «по рукописям это слово не прослеживается». Он принял слово, более подходящее по тексту: «помнил».

Рукописи помогли редактору обнаружить самоцензуру Толстого в эпизоде после беседы Облонского с Карениным о разводе (ч. 4, гл. XXII), когда Степан Аркадьич мысленно готовил остроту: «Какая разница между мною и фельдмаршалом? — Фельдмаршал делает развод — и никому оттого не лучше, а я сделал развод — и троим стало лучше». В рукописи сначала было написано: не фельдмаршал, а государь, и затем Толстым же «государь» изменено на «фельдмаршал» явно по цензурным соображениям, что доказано редактором Юбилейного издания, давшим справку: «Развод, о котором идет здесь речь, так называемый „развод с церемонией“, производил всегда только государь, что Толстому было известно, как это явствует из первоначальных его написаний» (т. 19, с. 502). Последним в рас-

смаатриваемом списке приведен случай восстановления по рукописи целой фразы (венчание Левина, ч. 5, гл. IV). Текст ее, находящийся в наборной рукописи, случайно не попал в корректуру, а Толстой, читая гранки, «не заметил пропуска, так как не сличал корректуру с оригиналом» (т. 19, с. 503).

Последний пример лишний раз доказывает, что не пренебрежение к законам научного издания, а чисто внешние причины ограничили возможности редактора, обращавшегося к рукописям «Анны Карениной» только в двадцати семи случаях. Сквозной анализ всего рукописного фонда «Анны Карениной» не был произведен.

В печати уже появлялись указания на то, что текст «Анны Карениной» для Юбилейного издания лишь частично проверялся по рукописям, а «Война и мир» такому необходимому обследованию не подвергалась вовсе. Оба романа до сего времени печатаются с большим количеством ошибок и неточностей. (Примеры приведены в статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова в «Новом мире», 1953, № 3, стр. 232—242; в статье В. В. Григоренко в «Советской культуре», 1958, № 89, от 26 июля, и в статье Э. Е. Зайденшпур в «Новом мире», 1959, № 6, стр. 278—282). Насколько подчас серьезно испорчен текст Толстого, убеждают отмеченные в этих публикациях факты. Повторим некоторые из них.

В «Войне и мире»: во время перемирия перед Шенграбенским сражением солдат Сидоров «подмигнул и, обращаясь к французам, начал часто, часто лопотать непонятные слова». Так написал Толстой. Буквенная ошибка искажила подлинный текст: вместо естественного в данном контексте «лопотать» появилось «лепетать» (т. 9, с. 215).

В начале Аустерлицкого сражения, в тот момент, когда «смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали назад», князь Андрей «только старался не отставать от Кутузова». Таков текст Толстого. Вместо этого в печатном тексте по вине переписчика читаем, что князь Андрей «только старался не отставать» от бегущей толпы (т. 9, с. 341), хотя ясно, что князь Андрей не бежал с поля сражения, а вместе с Кутузовым оставался там.

После встречи с Платоном Каратаевым Пьер, «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой на каких-то новых и незбытых основах воздвигался в его душе». Текст Толстого благополучно прошел через все рукописи до корректур, а во время печатания отпал первый слог «воз», и появился бессмысленный текст «...прежде разрушенный мир <...> двигался» в душе Пьера (т. 12, с. 48).

Еще один пример: в главе, посвященной размышлениям Кутузова накануне получения известия о бегстве Наполеона из Москвы. Текст Толстого: «Он придумывал все возможные случайности, в которых выразится эта верная уже свершившаяся гибель Наполеона. Он придумывал эти случайности так же, как и молодежь...» и т. д. Переписчик механически пропустил текст, заключенный между одинаковыми словами «случайности — случайности» (это самый типичный случай пропусков) и теперь печатается: «Он придумывал все возможные случайности так же, как и молодежь...» (т. 12, с. 112). Механический пропуск лишил размышления Кутузова важнейшего звена: не отражена в печатном тексте уверенность Кутузова в уже свершившейся после Бородина гибели Наполеона.

А вот пример подобного же пропуска в «Анне Карениной». Во второй главе первой части романа Толстой, знакомя читателя с Облонским, говорит о нем как о человеке правдивом: «Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог раскаиваться теперь в том, в чем он раскаивался когда-то, лет шесть тому назад, когда он сделал первую неверность жене. Он не мог раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен

в жену...». Текст, расположенный между словами «в том—в том», был при копировании автографа пропущен, и выпала важная черта в характеристике Облонского. Печатается этот текст так: «Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену...» (т. 18, с. 5). Приведем примеры, когда буквенные ошибки или пропуски одного слова неузнаваемо искажали текст, а Толстой не замечал этого. В беседе Николая Левина с братом об организации артели на социалистических началах Николай утверждает: «И мы вот устраиваем артель слесарную, где все производство и барыш и главные орудия производства, все будет общее», — так печатается (т. 18, с. 94). В этом неграмотном заявлении Толстой не повинен. Он писал правильно не о каких-то главных орудиях производства, а о том, что «барыш и, главное, орудия производства, все будет общее». Другой случай: накануне дня рождения Сережи Каренина Капитоныч разговаривал с мальчиком, «подмигивая головой» на гувернера (т. 19, с. 93). Это бессмыслица — подмигивать головой невозможно. У Толстого: «подмигивая, показывал головой» на гувернера. В сцене скачек говорится: «Потные, измученные, скакавшие лошади, провожаемые конюхами, уводились домой» (т. 18, с. 204). Не мог так написать Толстой, — у него правильно написано, что разгоряченных лошадей *проваживают*, а не *провозжат*.

Несомненно то, что два из центральных произведений Толстого печатаются со многими отклонениями от авторского текста, и поэтому при подготовке к печати «Анны Карениной» и «Войны и мира» следует тщательнейшим образом подвергнуть повторной критической выверке печатный текст по всем его источникам.

Кстати, следует отметить, что еще в 1935 г. на конференции в Пушкинском доме, посвященной Юбилейному изданию, обсуждались вышедшие к тому времени тома, и большие споры вызвало решение вопроса об окончательном тексте «Анны Карениной» и особенно «Войны и мира» («Стенографический отчет второго дня конференции 11 ноября 1935 г.». Машинопись).

Как бы серьезны ни были ошибки в Юбилейном издании, как бы придирчивы ни были замечания, надо помнить, что в Юбилейном издании впервые поставлен вопрос о критической выверке текстов произведений Толстого со всеми печатными и рукописными источниками, и для большинства произведений он решен хорошо.

3

Большое место уделено в Юбилейном издании черновым вариантам художественных произведений. Это, разумеется, не новый вид публикации текстов Толстого. Интерес к рукописным вариантам возник давно.

Впервые варианты появились в «Посмертных художественных произведениях» 1911 г., а затем для собрания сочинений под редакцией П. И. Бирюкова было осуществлено обследование корректур «Войны и мира» и правленного Толстым журнального текста «Анны Карениной». Некоторые из обнаруженных черновых текстов были напечатаны в этом издании. Но отношение к вариантам было тогда наивным. Предполагалось даже вставлять их в окончательный текст, и они рассматривались вне связи с историей текста. Редактор Бирюков, публикуя отдельные отрывки из корректур «Войны и мира», сообщил, что «при большом досуге можно было бы извлечь из этой бесформенной кучи еще более драгоценного материала». Отобранные им небольшие отрывки он систематизировал и точно указал, к какой главе завершенного текста романа они относятся. Существенного научного значения, разумеется, эта случайная публикация иметь не могла.

Позднее, особенно после Октябрьской революции, в различных периодических изданиях, в сборниках и отдельными книгами стали появляться

неизвестные до того времени незавершенные произведения Толстого, а также отрывки из черновых редакций его известных сочинений. Изолированные публикации, интересные сами по себе, не могли иметь того значения, какое приобретает систематизированный свод черновых редакций.

Публикация рукописных вариантов на научной основе могла проводиться только при условии предварительного изучения рукописного фонда каждого произведения в отдельности. Эти научные принципы впервые осуществлены в Юбилейном издании и являются его неотъемлемой заслугой. Перед каждым редактором стояла задача—систематизировать весь рукописный материал и установить генетическую связь каждой последующей рукописи с предыдущей. Только четкая предварительная классификация рукописей обеспечивала наиболее успешную работу по изучению истории текста и извлечению вариантов для публикации.

В заявлении главного редактора и Редакторского комитета по поводу рукописных вариантов сказано: «Печатать все целиком нет никакой ни возможности, ни надобности, так как это только увеличило бы в несколько раз объем издания, включив в него подавляющее количество более или менее повторного материала, не представляющего ни малейшего интереса и только обременяющего внимание читателя. Однако необходимо было извлечь из этого громадного собрания черновых то крайне интересное и ценное, что в нем схоронено». Публикуются «варианты, представляющие интерес в художественном, биографическом или историческом отношениях» (т. 1, с. IX, XIV).

Нельзя не заметить, что в самой основе своей этот принцип уязвим. В нем нет главного—полной определенности и ясности в требованиях поставленных перед изданием, в сложном вопросе изучения и публикации черновых редакций и набросков. Если в издании сочинений под ред. П. И. Бирюкова 1913 г. вовсе не ставился вопрос о черновиках как одном из важнейших элементов истории текста в его последовательном развитии, то в Юбилейном издании эта проблема в полной мере тоже не решена.

Редакторский комитет вскоре убедился в нечеткости принятого им метода отбора рукописных вариантов, при котором «соблюсти в полной мере научную объективность не представляется возможным», но надеялся, что «практика Редакторского комитета <...> все-таки в большей или меньшей мере эту объективность, насколько это возможно в человеческих средствах, соблюдает» (указанный «Стенографический отчет» конференции 1935 г.). На деле не все оказалось достаточно благополучно, далеко не для всех произведений рукописные варианты поданы с соблюдением научных требований.

Неточность формулировки цели публикации рукописных вариантов явилась причиной разнобоя в этом отделе издания, а суженная задача, поставленная Редакторским комитетом, обусловила во многом характер отбора вариантов.

Несмотря на нечеткость принципа относительно вариантов, для всех редакторов было ясно, что варианты важны не только с точки зрения их художественных достоинств, но в первую очередь для установления творческого процесса создания произведения, однако каждый по-своему решал задачу, и результаты оказались не одинаковыми.

Сначала о принятом порядке публикации планов и конспектов. Вряд ли можно признать правильным выделение в особый раздел всех планов и конспектов как произведения в целом, так и его отдельных частей. Такой порядок может загнать вопрос. В публикациях Юбилейного издания все планы предшествуют черновым текстам, а у Толстого планы появлялись не в одно время и связаны с разными творческими периодами. Выделение планов в особую группу как предварительного материала дает неправильное представление об этапах творческого труда Толстого. Правда, планы

и конспекты редко поддаются точной датировке, тем не менее во многих случаях можно с достаточной степенью достоверности определить, созданию какой рукописи могло предшествовать появление того или иного плана, конспекта. В Юбилейном же издании допускалось механическое решение вопроса с конспектами и планами: они вырывались часто из контекста рукописи, в процессе создания которой были составлены, и выносились в раздел, озаглавленный «Планы и конспекты» (см., например, т. 13, с. 35—36, № 19, из рук. 89; конспект этот — непосредственное продолжение текста, опубликованного в том же томе, с. 812—815; он следовал за зачеркнутым отрывком, часть которого напечатана в подстрочном примечании на с. 815, а продолжение — на с. 35 перед конспектом). Подобные приемы встречаются неоднократно. Неоправданно также то, что планы неосуществленного романа «Четыре эпохи развития», которые бесспорно предшествовали завершению даже первой части его, т. е. «Детства», печатаются полностью в т. 2 на том основании, что по содержанию план в большей своей части относится к «Отрочеству» и «Юности» (т. 1, с. 307). Но ведь самый текст незавершенного романа «Четыре эпохи развития» совершенно правильно опубликован в т. 1, где и следовало опубликовать связанные с ним планы. Планы и конспекты «Казиков» даны в конце, после вариантов. В ряде случаев конспекты, появлявшиеся в процессе создания рукописи, правильно опубликованы вместе с текстом рукописи. Жалко лишь, что в этих случаях они вынесены под строку и напечатаны петитом, наравне с зачеркнутыми текстами. Например, т. 13, с. 490, 606, 622, 632, 706; т. 14, с. 33, 41, 84, 132, 213; т. 15, с. 53, 101, 102 и многие другие. А вот первый конспект рассказа «Хозяин и работник» или конспект повести «Холстомер» приводятся только в статье «История писания».

Нельзя ничем объяснить также опубликование среди планов и конспектов записей совершенно иного характера. К примеру, во время работы над образом Платона Каратаева — это было уже в последний год работы над романом — Толстой выбрал из сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля ряд пословиц. Часть их выписана на отдельном листке, остальные — на полях двух листов из рукописей, содержащих текст о Каратаеве. Место этих листов в творческом процессе определяется безошибочно, и не было никакого смысла выносить их в первый раздел (т. 13, с. 45 — 47), где они теряют свое значение.

Совершенно неожиданно помещение среди вариантов других дополнительных материалов. Например, подготовленные Толстым во время писания рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш» вопросы относительно условий жизни арестованных и процедуры суда оказались в разделе вариантов (т. 37, с. 383—384). Такие документы, бесспорно важные для изучения работы писателя, должны быть опубликованы не в разделе вариантов, а отдельно, как это сделано, например, в тт. 17 и 33.

Первостепенное значение для установления процесса создания произведения имеют первоначальные наброски и ранние редакции. В Юбилейном издании опубликованы первые редакции почти всех произведений. Это огромная заслуга его. Полностью опубликованы первые редакции небольших рассказов и повестей и таких больших произведений, как «Воскресение» и «Хаджи-Мурат».

Состояние рукописного фонда каждого произведения имеет свои особенности, и не всегда одинаково просто выделить раннюю редакцию, отдельные листы которой в процессе дальнейшей работы Толстого переходили иногда в следующие рукописи, подвергаясь правке в соответствии с новыми замыслами.

Затруднения, например, встретились при определении первоначальной редакции «Анны Карениной», и в т. 20 она установлена неточно (публи-

куется в настоящем томе «Литературного наследства»). Наименее удачно решена задача относительно первоначальных набросков и ранней редакции «Войны и мира». Наброски, относящиеся к первому году работы Толстого над романом, опубликованы бессистемно. Представления же о ранней законченной редакции романа при методе публикации в тт. 13—14 разрозненных вариантов отдельных глав и отрывков не создается вовсе. Редакторы ошибочно считали, что «рукописи „Войны и мира“ не имеют в себе

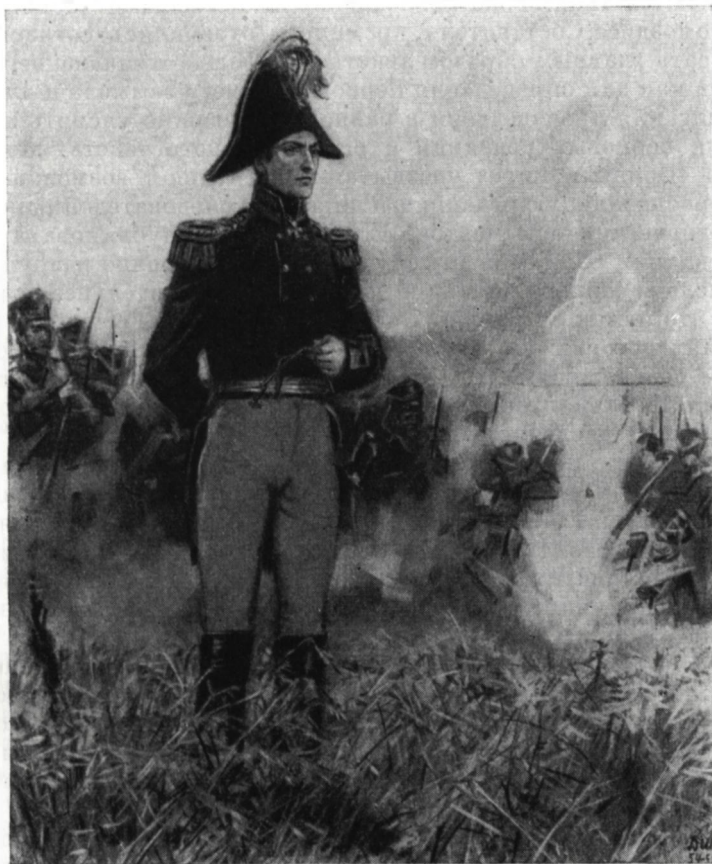

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

Черная акварель Д. А. Шмаринова, 1954—1955 гг.

Третьяковская галерея, Москва

полных редакций всего романа в целом и даже отдельных его частей» (т. 13, с. 5).

Следует иметь в виду, что процесс писания «Войны и мира» был иной, чем последующих романов, ранняя полная редакция которых представлена одной законченной рукописью. Писание «Войны и мира» вначале шло небольшими частями, постепенно продолжавшими текст. Так создавались первые части (впоследствии первая и вторая части первого тома). Непосредственным же продолжением первых двух частей являются две почти полностью сохранившиеся рукописи, следующие одна за другой: первая (по нумерации Юбилейного издания № 85), содержащая текст начинающую с третьей части первого тома до второй части второго тома, т. е.

после Шенграбена до Тильзита включительно; вторая (№ 89) — дальнейший текст, т. е. от преобразований Сперанского в 1809 г. до конца романа, каким он наметился первоначально. Эти две рукописи, будучи опубликованными полностью, продолжали бы первые две части, напечатанные в 1865—1866 гг. в «Русском вестнике», и представили бы первую законченную редакцию романа. Многочисленные отрывки из ранней редакции опубликованы в тт. 13 и 14 вырванными из контекста частями и отрывками. Расположены они в соответствии с композицией заверщенного романа и перемежаются такими же разрозненными отрывками чернового текста, созданного позднее. Составители, кроме того, стремились, согласно инструкции, отбирать главным образом тексты, наиболее отличающиеся от печатного, тогда как для определения первоначального замысла и для изучения истории писания произведения в равной мере важно уяснить и отличия и совпадения черновых редакций и окончательного текста. Метод подачи вариантов «Войны и мира» чрезвычайно затрудняет возможность восстановить первоначальную редакцию и лишает исследователей одного из важнейших творческих документов. Если бы была опубликована полностью ранняя редакция «Войны и мира», она бы безоговорочно разрушила легенду о замысле семейного романа и доказала бы убедительнее всяких исследований, что истоком эпопеи «Война и мир» была не семейная хроника, а задуманная «история из 12-го года» с «величественным, глубоким и всесторонним содержанием» (т. 13, с. 53). Впрочем, это в известной степени доказывают 15 вариантов начала романа, публикуемые в настоящем томе «Литературного наследства».

В каждом томе после первых редакций, напечатанных с большей или меньшей полнотой, приводятся отдельные варианты. Иногда они содержат текст нескольких глав, иногда ограничиваются одной-двумя фразами. Между собою варианты объединены только порядковыми номерами. По усмотрению составителей, из разных рукописей взяты не публиковавшиеся тексты по принципу их новизны и художественных достоинств. Из какой именно рукописи взят каждый из них, отмечено в разделе «Описания рукописей» (о нем см. ниже), а в заголовке самого варианта, как правило, указан номер рукописи; иногда помечено, к какой редакции произведения относятся отрывки, иногда указаны часть и глава заверщенного текста, которым соответствует данный вариант. Однако при всех этих пометах вариант остается оторванным фрагментом, органически не соединенным ни с предшествующим, ни с последующим текстом.

Редакторы, конечно, чувствовали недостаток такого метода подачи вариантов и потому искали путей восполнить его недочеты. Одним из таких выходов был сравнительный обзор глав ранних редакций произведения. Редактор М. А. Цявловский (тт. 1 и 2 — «Детство», «Отрочество» и «Юность») сообщил: «Не считая возможным в настоящем издании опубликовать полностью тексты II и III редакций, мы печатаем из них лишь отрывки; для указания же местонахождения их в рукописных текстах дается настоящий обзор, позволяющий вместе с тем следить за тем, как шла работа автора» (т. 1, с. 315). Такие сравнительные обзоры с включением в них мелких черновых отрывков, кроме трилогии, даны для «Набега», «Записок маркера», «Альберта», «Семейного счастья». По замыслу редакторов, эти обзоры должны были выполнять важную роль, практически же они себя не оправдали, так как пользоваться ими сложно, особенно тем, кто сам не знаком с рукописями произведения. Быть может, поэтому на т. 5 «обзоры» прекратились.

В некоторых томах, по примеру «Печатных вариантов», отдельные отрывки из рукописей точно прикреплены к соответствующему месту окончательного текста. Так сделано для «Поликушки» (т. 7, с. 57—63), «Беседы досужих людей» и «Ходите в свете, пока есть свет» (т. 26, с. 549—552). Та-

кой способ наиболее удачен и приближается к методу, принятому для академических изданий классиков. Однако для произведений, имеющих большие рукописные фонды, из которых извлекалось множество вариантов, относящихся к разным стадиям работы, подобную четкость соблюсти не удалось. Редакторы искали иных приемов систематизации. Чаще всего отобранные варианты располагались, насколько возможно, по редакциям и внутри каждой редакции по ходу действия законченного произведения. Но четко распределить рукописи по редакциям произведения в порядке их последовательности не всегда возможно не только ввиду запутанности рукописных текстов, но просто потому, что Толстой не так часто создавал целые редакции своих произведений, у него были разные приемы: внимание писателя сосредоточено то на полных редакциях произведения, то на отдельных его частях, внутри которых созданы свои редакции; новые разделы писались то на совершенно новом материале, то на основе когда-то откинутых набросков. Все это осложняет простой на первый взгляд вопрос о рукописных текстах; вариант может иметь научное значение только в том случае, если он помогает восстановлению картины творческой работы писателя. Для этой цели менее «художественный» и менее «интересный» отрывок может сыграть роль более значительную, чем вырванный из контекста вариант, обладающий такими положительными свойствами.

В наиболее благоприятном положении оказались из крупных произведений «Воскресение» и «Хаджи-Мурат», а также трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» и очерк «Три дня в деревне». Редакторы восстановили по рукописям цельные последовательные редакции этих произведений, в строгом соответствии с ними расположили рукописный материал и отобранные варианты каждой редакции опубликовали особо, тем самым дав возможность изучения черновики в их последовательности.

Принцип публикации вариантов по повести «Казак» совершенно непонятен. Не сумев правильно установить по рукописям процесс авторской работы, редактор А. Е. Грузинский почти бессистемно опубликовал черновые тексты с неверной датировкой их. Кроме того, весьма большое количество рукописных текстов, главным образом первоначальных, представляющих несомненный интерес, вовсе не включил в т. 6 (они были позднее опубликованы в «Литературном наследстве» т. 35-36, а затем перепечатаны в т. 90 Юбилейного издания. В настоящем томе «Литературного наследства» печатаются еще шесть набросков, относящихся к раннему периоду работы Толстого над «Казакми»).

Варианты «Войны и мира» занимают в Юбилейном издании три тома (тт. 13—15); общим объемом более ста печатных листов. Публикация их — результат напряженной многолетней работы редакторов Г. А. Волкова*, Т. Н. Волковой** и Н. С. Родионова. Надо знать рукописи Толстого, чтобы понять, какого огромного труда требует только прочтение тысяч листов автографов. Большую помощь в этой работе оказала С. А. Стахович, о чем сообщают редакторы в предисловии (т. 13, с. 7). Однако обилие материала поставило редакторов в затруднительное положение, а закрепившиеся в Юбилейном издании принципы подачи рукописных вариантов не только не помогли им найти правильное решение, но осложнили работу.

Распределение вариантов по томам и частям в соответствии с завершённым текстом романа и даже не согласно первому изданию, в котором текст был разделен на шесть томов, а по позднему делению на четыре тома, — было первой ошибкой. Механическое же распределение рукописей на четыре группы: автографы, копии, наборные рукописи, корректуры — создало еще большее нарушение хронологической последовательности создания публикуемых отрывков. К примеру: варианты №№ 112 и 113 писались

* В тт. 13—15 его имя не отмечено.

** В тт. 13 и 14 ее имя не отмечено.

раньше, чем №№ 98—111, а варианты №№ 89—97 гораздо позднее, чем 98—111. При такой систематизации отрывков не только совершенно невозможно установить весь творческий процесс создания произведения, но невозможно даже понять, на каком этапе возникли тот или иной эпизод, сцена или персонаж. И все же, несмотря на существенные недочеты, опубликованные черновые тексты представляют огромный интерес, особенно такие большие по своему объему отрывки, как, например, № 171, охватывающий раннюю редакцию текста первых восьми глав второй части третьего тома (т. 14, с. 59—81), или № 183, окончание ранней редакции (т. 14, с. 127—164) и др.

Большие по объему варианты, хотя и вырванные из контекста, все же позволяют в какой-то мере анализировать работу писателя, но две-три фразы, буквально выхваченные из рукописи только по тому признаку, что они зачеркнуты, абсолютно ничего не дают. А таких вариантов немало дано к различным произведениям.

Пример «Хаджи-Мурата»: «Аул весь курился душистым кизячным дымом, выходившим из глиняных труб, нагроможденных в полугоре, одна над другою, плоскокрыших саклей» (т. 35, с. 465, № 68) или: «Кратко и решительно распорядился о передвижении дивизий из одной губернии в другую, приказав написать об этом Паскевичу» (т. 35, с. 548, № 160).

Каков смысл публикации в качестве самостоятельных вариантов отдельных фраз, как то: «Нынче нет правов бить женский пол. Не допущу». «Нигде не просил, потому имею стыд». «Пр. Семь бед, один ответ» — это из вариантов к комедии «От ней все качества» (т. 38, с. 233, 234, 237, №№ 15, 18, 36). А вот вариант из «Холстомера»: «и добрые от счастья, особенно ухаживали за бедным Никитой. Вид счастья его друга и молодой еще более заставлял его, обратившись к своему прошедшему, пасть духом» (т. 26, с. 485, № 23).

Разумеется, приведение из черновых рукописей разрозненных фраз и даже отдельных слов имело бы свое значение, если бы эти фрагменты публиковались в Юбилейном издании исчерпывающе, по системе, принятой для академических изданий (Пушкин, Гоголь). При изолированной публикации разрозненных отрывков такие отдельные фразы не нужны.

Далеко не просто решается вопрос о публикации текста выбранной редактором рукописи. На многих листах запечатлелись различные стадии авторской работы. Прежде всего, почти на всех страницах имеются исправления, появившиеся в процессе первоначальной работы, когда писатель, не заканчивая фразы или периода, тут же на ходу или зачеркивал или делал новые вставки. Многое изменялось во время авторского чтения рукописи. Имеется немало листов, на которых отражены совершенно различные стадии творчества, например, на ранних набросках начала «Анны Карениной», перешедших впоследствии во вторую часть романа. И этот процесс приспособления раннего к позднему может в свою очередь вызвать новые наслоения. А в результате сложной и разновременной авторской работы немало сохранилось на рукописях различных несогласованностей, путаницы в именах, потому что автор не всегда тщательно зачеркивал откинутое, много пометок на полях, не в одно время сделанных.

При всех трудностях можно, однако, по внутренним и внешним признакам выделить в сложных рукописях определенные тексты, относящиеся к раннему, промежуточному или последнему периоду творчества. Препарируя для публикации сложную рукопись, редактор должен прежде всего помнить, что в ней имеется несколько «слоев», что он обязан разделить их и мотивированно решить, на каком же следует остановиться. Редактор вправе выбрать любой «слой» и даже опубликовать поочередно каждый, но ни под каким предлогом, а тем паче по недосмотру, не путать «слои». После того, как редактор остановился на определенном тексте, возникает

вопрос, как же быть с рукописью в целом: игнорировать тексты другого происхождения или все-таки отражать их в примечаниях? Задача редактора не в том, чтобы текстуально точно передать содержание листа в целом (для некоторых целей могут быть и такие задания), а в том, чтобы верно опубликовать текст избранного редактором «слоя», относящегося к определенному этапу работы над произведением. Поэтому не обязательно воспроизводить рукопись в целом. Этого правила и придерживается Юбилейное издание, но практически нарушает его весьма часто неожиданным переходом на другой «слой». Например, печатается набросок «Молодец-баба» из «Анны Карениной». Материал впоследствии перешел во вторую часть романа, что и отразилось на рукописях. Редактор правильно печатает первый «слой», в котором героиня носит имя Нана, и вдруг на одной странице появляется имя Анна, а Нана как зачеркнутое оказалось в примечании под строкой (т. 20, с. 19). Но ведь зачеркивание произошло на последующем этапе работы, когда и было вставлено новое имя.

При механическом воспроизведении рукописи публикация черновых текстов не только не выполняет главной роли — показать ход творчества, но порой становится балластом. Наиболее показательный пример из «Войны и мира»: опубликован отрывок, содержащий описание поездки Пьера в Бородино. Начинается отрывок словами «Пьер поехал дальше», и затем на протяжении сорока строк *пять раз* встречается фраза о том, что Пьер «поехал дальше». А дело все в том, что этот маленький набросок Толстой исправлял и переделывал на одном и том же листе *пять раз*. Если бы нагромоздившиеся один на другой «слои» текста отделить, были бы восстановлены пять самостоятельных набросков, каждый из которых заканчивается словами: «поехал дальше» (т. 14, с. 241—242).

Механическое, иногда почти фотографическое воспроизведение рукописи вредно отразилось и на подаче подстрочных примечаний, которыми пользуются в Юбилейном издании для публикации зачеркнутых текстов и записей на полях. Необходимо сказать, что если чтение толстовских автографов вообще не легкий труд, то прочтение зачеркнутого и переправлявшегося текста, а также порою едва намеченных конспективных записей на полях требует часто виртуозности. И редакторы Юбилейного издания блестяще выполнили эту задачу. Тем обиднее, что нередко текст, с огромным трудом прочитанный, подается так, что ни для каких целей воспользоваться им невозможно. Подстрочные примечания к черновым вариантам по идее должны выполнять ту же роль, что и самые варианты, т. е. отразить картину работы писателя. А что дают, например, такие примечания: «Вы знаете, за чем застали меня? Я пишу проект преобразования судов...» В сноске к слову «пишу» такое примечание: «Зач.: <возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он <говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его во времени...> хочет переделать учреждения России, не исказив конституционных государств» (т. 13, с. 680)? Невозможно представить себе творческие поиски Толстого на основании приведенного под строкой материала. Фактически же процесс работы следующий. Первоначально было: «Я пишу возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его, во времени...» Не дописав, Толстой стал исправлять: «Я пишу возражение на проект Сперанского о уничтожении коллегий. Он хочет переделать учреждения России на образец конституционных государств». Не удовлетворившись и этим наброском, Толстой дал третий: «Я пишу проект преобразования судов».

Пример из «Холстомера» (цитируем отрывок вар. № 17): «Бежали лошади знакомые: вороной Атласный¹ и Молодецкий. Они пробежали².

Атласный пришел к³ столбу⁴. Князь стал смеяться что в⁴ такие секунды⁵ его пегашка⁴ придет⁶». К этим сносам даны следующие примечания: ¹ *Зачеркнуто*: Вязокур. ² *Зач.*: Лебедь Горностай.³ *Зач.*: звонку. ⁴ *Поправка М. А. Стаховича*. ⁵ *Зач.*: эти минуты. ⁶ *Зач.*: обежит. *Поправка М. А. Стаховича*» (т. 26, с. 483).

Пример подстрочных примечаний к вариантам «Смерти Ивана Ильича»: «Молодые два человека, кажется, племянники, выходили,⁸ потом старушка молилась <...> буфетный мужик Герасим⁹ что-то посыпал по полу¹⁰». А под строкой читаем: «⁸ *Зач.*: Старичок потом.⁹ *Зач.*: и в гробу.¹⁰ *Зач.*: я его знал, оправляя покров и» (т. 26, с. 506). В рукописи Толстого абсолютно ясен процесс авторской правки, и невозможно понять, как могла получиться такая публикация. Подобные примечания только доводят до абсурда текст Толстого.

В результате почти фотографического воспроизведения рукописи вместе с толстовским текстом напечатаны случайно сделанные Толстым на листе записи, вовсе не относящиеся к произведениям, что доводит публикацию подчас до курьеза. Один, правда, из немногих примеров: на листе, содержащем текст записки Толстого к Т. А. Ергольской от 4 декабря 1863 г., сделан конспективный набросок к «Войне и миру». И вот набросок этот опубликован так (цитируем отрывок из него): «Является к Сперанскому и думает, что в нем вся премудрость. Тетинька, как ваше здоровье? Нарочно спокойно. 4 декабря 1863. Три друга честолюбив<ы> по Нап <олеону>» (т. 13, с. 23). Или такой совершенно исключительный случай: печатается ранний вариант сцены в театре, и к словам: «Наташа была в эту пору вполне созревшей для любви красавицей — глаза ее светились любовью и вокруг себя она видела только одну любовь», — под строкой сделана сноска: «На полях: Свиной — телят в Тулу <...> — говно — яма — поросята. Столяра расчесть. Бибикову о кабаке» (т. 13, с. 825).

Нельзя не отметить еще один серьезный недочет в публикации вариантов, — этот недочет, впрочем, относится исключительно к «Войне и миру» и «Хаджи-Мурату». Речь идет о пометах Толстого, касающихся исторических сочинений, из которых переписчику надлежало вписывать в текст Толстого, по его указанию, цитаты, документы и проч. В подобных случаях опять применялась механическая транскрипция рукописи. Например, в «Войне и мире»: «В конце сентября написано было и распространено след. воззвание (Михайловский-Данилевский, 141 и 142). Никто не отзывался на этот призыв. Генерал-интендант пишет следующее: Михайловский-Данилевский, выписка, стр. 137...» и т. д. (т. 15, с. 54). То же в вариантах к «Хаджи-Мурату»: «Он подошел к стремени и принял Умма-Хана и повел в палатку. И сказал: (И. К. П.¹, 33, 34 отчеркнутое чернилами)...», а под строкой раскрыто: «¹ История 80-го пехотного Кабардинского полка» (т. 35, с. 346). При повторных ссылках даже не раскрыто сокращение и подано так: «Потом он увидал, как (И. К. П., 35, отчеркнутое)» (там же, с. 373). Или: «Ему явился пророк божий и сказал: Шейх-Кази знаешь... (Выписать из Сб. о к. г. Выпуск II, стр. 12, отчеркн. красн. карандаш и Сб. о к. г., выпуск IV об истин. мюридах)...» (там же, с. 375 и 426).

В подобных случаях надо было бы пометы Толстого дать под строкой и, указав точно источник, либо привести самые цитаты, либо в редакторской аннотации дать их содержание. Вводить же в текст произведения обращение Толстого к переписчику вряд ли правильно.

Раздел черновых вариантов следует признать наиболее уязвимой частью Юбилейного издания. Причина этого, не считая, разумеется, промахов самих редакторов, заключается в нечеткости принципов, взятых за основу в самом начале подготовки собрания сочинений и ни разу не пересматривавшихся в течение дальнейших тридцати лет работы

над ними. Вместе с тем, как бы ни были существенны отмеченные погрешности в публикации рукописных вариантов, они ни в какой степени не снимают огромной заслуги Юбилейного издания, включившего в научный обиход сотни печатных листов неизвестных художественных текстов Толстого.

4

К каждому художественному произведению даны комментарии, состоящие из двух частей: 1) история писания и печатания, 2) описание рукописей. Обе части тесно связаны между собой, и такой характер комментария правилен, потому что разбор рукописного фонда только и дает возможность установить последовательность развития произведения. «История писания» разумеется Редакторским комитетом не в смысле внешней канвы работы, отраженной в дневниковых записях и переписке Толстого, а как «изучение хода работы автора над текстом в исторической последовательности отдельных моментов этой работы» (цит. дополнения к инструкции. Рукопись).

Несмотря на сходную форму комментария, имеется существенная разница в содержании его по томам. Она заметна в первых же книгах. В т. 1 «История писания» «Детства» ограничена приведением свидетельств самого Толстого — из дневников и писем — об его работе над «Детством». Так и сказано после перечисления: «На этом кончаются записи в дневнике о работе над „Детством“». Этим ограничивается история писания, помещенная в т. 1. Таков был первый опыт. Он казался тогда удовлетворительным, но теперь нельзя не пожалеть, что редактор М. А. Цявловский обошел непростой вопрос о степени автобиографичности трилогии, тем более, что некоторые склонны рассматривать «Детство» как автобиографическую повесть. Нет в комментарии т. 1 ни слова о прототипах; этот вопрос редактор предоставил решать биографам и исследователям. Потому, очевидно, не коснувшись этого вопроса в своих комментариях, М. А. Цявловский в те же юбилейные дни 1928 г. публикует в «Огоньке» интересную статью, посвященную прототипам в трилогии.

Следующим после «Детства» вышел т. 6, отведенный «Казакам» (1929). Редактор А. Е. Грузинский, склонный не к «академической» строгости, а к свободным литературным обобщениям, придал комментарию к «Казакам» не столько текстологический, сколько литературоведческий характер. Он не только цитировал документы, но и делал экскурсы в область тех настроений, которые, по его убеждению, владели Толстым в период писания повести. Отмечая, что первые варианты «Казаков» были написаны в стихотворной форме четырехстопного хорея, рифмованного через строку, редактор пространно рассуждает о том, «почему творческая работа сразу пошла по столь непривычному и несвойственному для Толстого руслу, как стихи». Он стремится доказать, что стихотворная форма «очевидно подсказывалась невольно самим характером кавказских впечатлений» и «чуждость гению Толстого метрической формы должна была быстро заставить его перейти к прозе» (т. 6, с. 276, 277). Эти размышления выходят далеко за пределы комментария и случайны в Юбилейном издании.

После т. 6 вышел т. 2 («Отрочество»; «Юность»; редактор М. А. Цявловский). В комментарии выдержан тот же принцип, что и в т. 1.

Т. 3 (кавказские рассказы, «Записки маркера», «Метель», «Два гусара») издан под редакцией Н. М. Мендельсона и С. Л. Толстого. Впервые в этом томе поставлен вопрос о прототипах. Вероятно, С. Л. Толстой, издавна интересовавшийся этой проблемой, ввел ее в Юбилейное издание, что значительно обогатило комментарии, и сопоставление художественных образов с жизнью не осталось случайным эпизодом, введенным только в

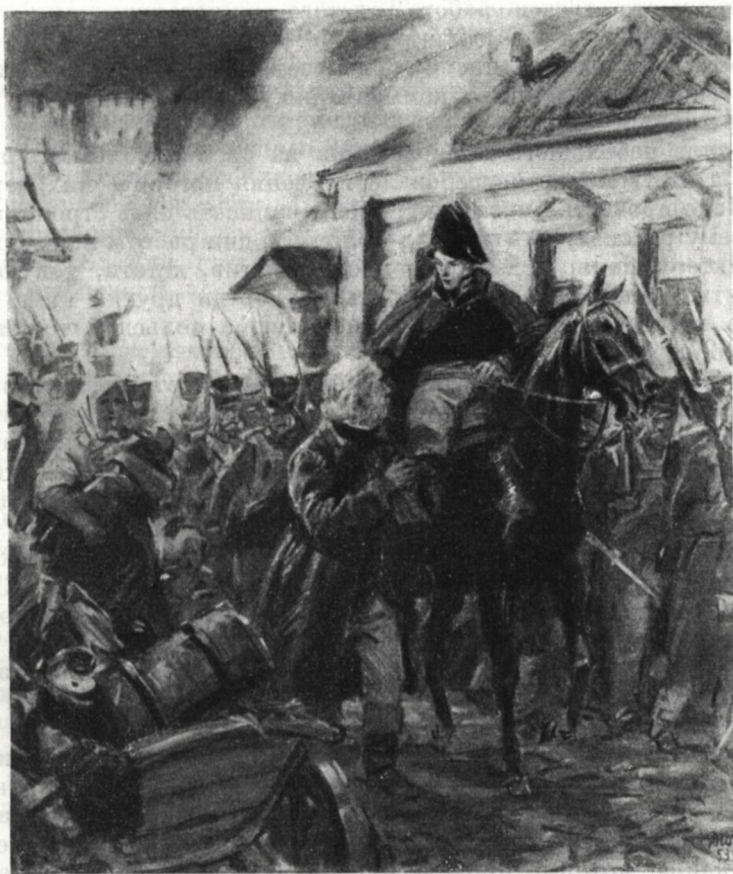
комментарии к т. 3. Оно не только закрепилось за Юбилейным изданием, но развивалось в нем. Редактор т. 5 Н. М. Мендельсон даже делает обзор предшествующих высказываний об автобиографичности «Семейного счастья» и отдает предпочтение одной из работ, в которой «детально вскрыта автобиографическая основа романа, который, по мнению автора <цитируемой статьи>, есть сублимация в иную плоскость, — плоскость творчества, — личных обстоятельств жизни Толстого» (т. 5, с. 304).

Что касается автобиографичности рассказа «После бала» (т. 34), то редактор Б. М. Эйхенбаум, привлекая в комментарии имеющиеся по этому вопросу материалы («Николай Палкин» Толстого, воспоминания И. Н. Захарьина-Якунина), оставляет открытым вопрос об автобиографичности рассказа и делает ссылку на ранее (в 1935 г.) вышедший том дневников Толстого и комментариев к ним (т. 54). Редактор т. 54 К. С. Шохор-Троцкий, опираясь на те же материалы, решает вопрос в пользу автобиографичности «После бала», отметив при этом, что, по семейным преданиям, в дочь воинского начальника был влюблен не Лев Николаевич, а его брат Сергей Николаевич (т. 54, с. 520). Теперь считается правильным, что в рассказе использован случай из жизни С. Н. Толстого.

Книги рецензируемого издания выходили без соблюдения очередности, по мере подготовки их к печати, чем объясняется тот факт, что вскоре после первых томов, посвященных раннему творчеству Толстого, появились тома с произведениями позднейшего периода. Остановимся на т. 27, вышедшем в 1933 г. Сопоставление его с более ранними томами может свидетельствовать о том, насколько повысилось исследовательское значение комментариев, которые действительно стали служить углубленному изучению «истории писания» произведений. В начале комментария к «Крейцеровой сонате» входящей в т. 27, сказано: «Как видно из дальнейшего, путь создания „Крейцеровой сонаты“ был очень сложен, и она в процессе писания подверглась многочисленным переработкам и коренным переделкам. Толстой далеко не сразу пришел к тому тексту повести, какой представлен ее окончательной редакцией; первоначальные ее варианты значительно отличаются от последнего. Ряд записей, сделанных Толстым в дневнике и записной книжке в связи с работой над „Крейцеровой сонатой“, свидетельствуют о значительных его колебаниях в развитии ее сюжета. Кое-что из того, что в этих записях было намечено, не нашло себе в повести никакого отражения. Так же постепенно, как и сюжетное оформление „Крейцеровой сонаты“, созидалось и ее идейное наполнение» (т. 27, с. 563). Выдержка из комментария, в дальнейшем развернутого в указанном направлении, приведена нами как программа исследования «истории писания».

Общеизвестно, как тщательно Толстой изучал среду и эпоху, которую отражал в своих произведениях, и этот труд писателя показан в комментариях. Не было необходимости для Толстого в наблюдениях и в изучении материалов, когда он был занят описанием столь знакомой ему деревенской и усадебной жизни московского и губернского дворянства, но, как только требовались подробности исключительные, Толстой черпал сведения из различных источников. Когда писалось «Воскресение», автор, чтобы расширить свои знания высшего света, предполагал съездить в Петербург, для непосредственных впечатлений о судебном процессе он присутствовал в суде на разбирательстве уголовного дела, а для описания тюремного быта посещал тюрьмы, беседовал со смотрителем тюрьмы. Недоступную же для наблюдения сибирскую каторгу Толстой изучал по книгам. Об этом обстоятельстве рассказано в комментариях к «Воскресению» в т. 33. Большую требовательность к себе Толстой проявлял в сочинениях исторических или в тех, в которых фигурируют исторические лица, стремясь быть «до малейших подробностей верным действительности» (т. 73,

с. 353). В Юбилейном издании вопросу использования Толстым исторических сочинений уделено большое место в комментариях. Однако каждый редактор решал этот вопрос по-своему. В комментарии к «Декабристам» дан специальный раздел: «Материалы к роману» (т. 17, с. 445—465). В нем опубликованы пометы Толстого на копии «Списка членам тайных обществ, преданным Верховному уголовному суду по манифесту 1 июня 1826 г.» и напечатаны его записные книжки периода работы над «Декабристами».

ВСТРЕЧА КНЯЗЯ АНДРЕЯ С АЛПАТЫЧЕМ В СМОЛЕНСКЕ.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

Черная акварель Д. А. Шмаринова, 1953 г.

Музей Толстого, Москва

К разделу «Материалов», поскольку в него введены публикуемые впервые документы, понадобился специальный комментарий, включая описание этих документов.

К роману из времен Петра I тоже дан раздел «Материалы», в который вошли отдельные записи, принадлежащие Толстому, а также сделанные им выписки из исторических источников. Точно установив, из каких именно книг сделаны Толстым выписки, редактор опубликовал их в томе не изолированно, а вставив в контекст источников. Публикация выписок в таком виде очень интересна, и, как справедливо отмечает редактор П. С. Попов, «этот подбор четко характеризует историческую подготовленность Толстого».

Опираясь на публикуемые данные, можно составить конкретную картину исторических чтений Толстого (т. 17, с. 673). Детальное изучение редактором подготовительной работы Толстого придает его комментариям большую ценность. К сожалению, нет в томе списков использованных Толстым исторических сочинений в работе над «Декабристами» и над романом из времен Петра; они называются только в статьях об истории писания по мере анализа работы Толстого. Библиография исторических источников сама по себе представляет интерес.

Большое место отведено работе Толстого над историческими материалами в комментарии к «Хаджи-Мурату» (т. 35; ред. А. П. Сергеев), к которому приложен список использованных Толстым источников. Такой же список заканчивает комментарий (Э. Е. Зайдешнур) к роману «Война и мир».

Написание небольшого произведения из времен польского восстания 1831 г. «За что?» также потребовало изучения исторических первоисточников. «Надо прочесть много книг, чтобы написать пять строк, разбросанных по всему рассказу», — говорил Толстой в дни работы над этим рассказом. Редакторы полно осветили вопрос, отметив, кстати, такую важную подробность: Толстой просил выслать ему среди других книг «историю польского восстания 1831 года, написанную с польской точки зрения» (т. 42, с. 627).

Когда Толстой приступил к писанию «Посмертных записок старца Федора Кузмича», он занялся чтением исторических трудов об императоре Александре I и мемуаров той эпохи. Читал он их «с отметками», т. е. внимательно изучая. В комментарии Юбилейного издания все это освещено. Можно добавить один факт, лишний раз свидетельствующий о том, что ни одной не документированной подробности Толстой не вносил в свой текст. В «Посмертных записках» Толстой упоминает отталкивающий «дурной запах», который всегда стоял около императрицы Екатерины (т. 36, с. 70). Этой подробности Толстой, разумеется, не мог почерпнуть из печатных источников, но и не придумал ее. В распоряжении Толстого находился скопированный рукой В. В. Стасова документ с описанием интимных подробностей жизни Екатерины, в котором упоминается этот запах (рукопись В. В. Стасова. — АТ).

Последнее замечание — об «Отце Сергии» (т. 31). В этом произведении выведены Николай I и петербургская знать 1840-х годов. Однако редактор отказался почему-то от исторического комментария и разработал его только, пользуясь выражением самого Толстого, в плане «психологических стадий», которые проходит герой произведения. Читателю остается неизвестным, опираясь на какие источники, создавал Толстой характеры официального и светского Петербурга той эпохи, откуда он почерпнул подробности внешнего портрета Николая I. Заметим попутно, что, ссылаясь на дневниковую запись Толстого, в которой упомянут Урусов без инициалов, редактор называет прототипом отца Сергия тульского знакомого Толстых Леонида Дмитриевича Урусова. Это мало вероятно. По всей очевидности, в дневниковой записи имеется в виду другой Урусов, Сергей Семенович, близкий знакомый Толстого с севастопольских времен. Душевный склад С. С. Урусова мог припомниться писателю во время работы над этой повестью (см. И. Линдер. Л. Толстой и шахматы. М., 1960, стр. 83—84).

Сюжеты некоторых художественных произведений Толстого подсказаны сочинениями других авторов или фольклорными источниками. Это народные рассказы, драматическая обработка легенды об Аггее, «Ассирийский царь Ассархадон», «Карма», «Это ты», «За что?», «Большая Медведица» и др. Хотя сохранившиеся документы не всегда содержат указания на источники, редакторами Юбилейного издания эти источники установле-

ны, за исключением только двух случаев. Не определен источник рассказа «Зерно с куриное яйцо». «Легенды на тему, общую с рассказом „Зерно с куриное яйцо“, — указывал редактор В. И. Срезневский, — нам не удалось найти среди памятников народной литературы. Весьма вероятно, что идея, проводимая этим рассказом, что выше всего жить по-божьи, как в старину жили, своими трудами, принадлежит самому Толстому» (т. 25, с. 694). Трудно понять, как можно было не найти этой легенды, приведенной в предисловии к сборнику А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (М., 1859, с. VIII—IX). Из этого сборника Толстой заимствовал несколько легенд, и на него не раз ссылался тот же редактор в комментариях к другим рассказам (см. т. 25, с. 700, 723, 725—732).

Допущена ошибка в определении источника сказки «Работник Емельян и пустой барабан». В комментариях отмечено лишь, что «тема этой сказки взята из известного сказочного сюжета», и в качестве примера названа сказка из «Народных русских сказок» Афанасьева. На самом же деле Толстой переработал сказку «Пустой барабан», напечатанную в книге «Сказки и предания Самарского края». Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884 (см. статью Э. Е. Зайденшпур «Русская народная сказка в обработке Л. Н. Толстого» — сб. «Толстой-художник». М., 1961, стр. 220—236).

Некоторые имеющиеся в комментариях ошибочные датировки незавершенных произведений Толстого исправлены в позднейших работах. В диссертации Б. А. Базилевского «Незавершенные романы Л. Н. Толстого из эпохи Петра I и второй половины XVIII века» определены более точно даты работы Толстого над этими отрывками. В диссертации Л. Д. Опульской «Особенности реализма Л. Толстого в поздний период творчества 1880-е — 1890-е годы» второй вариант окончания повести «Дьявол» правильно датирован 1890 г. вместо 1909 г., указанного в т. 27. Опубликованные в т. 90 «шуточные сцены для детского спектакля», текст которых, как отмечено в комментариях, написан рукой, «напоминающей руку М. Л. Толстой», отнесены редактором к концу 70-х — началу 80-х годов. Письмо же С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 17 июля 1894 г. точно устанавливает дату; в письме говорится: «Таня затеяла для Андрюши и Миши развлечение: играть пьесу с крестьянскими ребятами. Левочка для этого в одно после обеда продиктовал Маше пьесу в пяти действиях. Боюсь, что ничего из этого не выйдет, так как взялись за это очень вяло и неопределенно» (неизд. — АТ).

5

Осталось сказать несколько слов о последней части комментария — «Описании рукописей». Такое описание составлено для каждого произведения и является большим достижением Юбилейного издания. Впервые введены в научный обиход точные данные о рукописном фонде, который отражает сложный творческий путь каждого произведения. Без изучения, а затем описания рукописей невозможно было бы публиковать варианты и писать комментарии. По своей научной ценности «Описания рукописей» различны. Причина лежит и в степени опытности редактора и в состоянии самих рукописей. Изучение рукописей Толстого, особенно произведений с большим по объему рукописным фондом, настолько сложно, что невозможно требовать, чтобы впервые предпринятое описание их было выполнено для всех произведений в равной мере хорошо. Составленная рукописным отделом Музея Л. Н. Толстого книга: «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого» (М., Изд-во АН СССР, 1955), основанная на описаниях рукописей Юбилейного издания, внесла в отношении многих произведений большое количество исправлений и уточнений.

Для двух произведений: «Казakov» и «Войны и мира» разбор и описание рукописей были сделаны заново. Разумеется, для некоторых рукописей уточнения будут продолжаться.

Опубликованные варианты, широко представленные в Юбилейном издании, а также обстоятельные комментарии, включающие описание рукописей, существенно продвинули изучение лаборатории творчества Толстого, и интерес к подобной работе неизменно усиливается; показательно, что не только в исследованиях, но даже в дипломных студенческих работах этой проблеме уделяется теперь много внимания.

Юбилейное издание дало толчок, и исследователи пошли дальше, к самостоятельному наблюдению по рукописям за сложной судьбой толстовских текстов. Юбилейное издание художественных сочинений Толстого не есть что-то незбытое, застывшее, и преодоление его ошибок свидетельствует о дальнейшем развитии текстологии.

Впервые в собрание сочинений Толстого полностью включены созданные писателем книги для школы: «Азбука» и «Новая азбука» (тт. 21 и 22; редакторы В. С. Спиридонов и В. С. Мишин). Эти книги по содержанию примыкают к художественным произведениям, поскольку в них содержится несколько сот рассказов Толстого, занявших в наше время значительное место в детской литературе; они связаны и с педагогическими статьями, так как являются итогом теоретических обобщений педагогической работы Толстого 60-х и 70-х годов. Судьба «азбук» Толстого необычна. В 70-е годы они были впервые напечатаны под личным наблюдением Толстого: «Азбука» — в 1872 г. одним томом и затем в 1874 г. сброшюрованной на 12 книжек; «Новая азбука» и четыре русские книги для чтения — в 1875 г.; четыре славянские книги для чтения — в 1877 г. После первых публикаций при жизни Толстого многократно переиздавались только «Новая азбука» и четыре русские книги для чтения. В собрания сочинений Толстого, начиная с третьего издания (М., 1873), включались рассказы из этих книг, распределенные на следующие группы: I. Басни Эзопа. Басни, переделанные с индийского, и подражания. II. Рассказы для детей. Рассказы из физики. Рассказы из зоологии. Рассказы из ботаники. Попытки соединения разных вариантов были в одну и изложение их правильным стихом. В Полное собрание художественных произведений под ред. И. И. Гливенко и М. А. Цявловского (приложение к «Огоньку». М. — Л., 1928) в т. IX включены полностью четыре русские книги для чтения. В последующие издания собрания сочинений Толстого включались выборочно отдельные рассказы из этих книг. Остальные части «Азбуки» 1872 г. не переиздавались при жизни Толстого. «Арифметика» была переиздана под ред. П. И. Бирюкова в 1913 г. (М., изд. И. Д. Сытина), а «Руководство для учителя» напечатано в 1911 г. в журнале «Свободное воспитание» 1911—1912, № 12, стр. 3—38. В 1917 г. в изд-ве «Задруга» под наблюдением П. Н. Сакулина и с его предисловием были изданы впервые по новому правописанию «Новая азбука» Толстого под заглавием: «Азбука» и «Первая русская книга для чтения». После этого рассказы из четырех русских книг для чтения выходили отдельными изданиями и сборниками, в полном же виде книги Толстого для школы не печатались.

Совершенно правильно Редакторский комитет Юбилейного издания решил вопрос об этих книгах, введя их в полное собрание сочинений в том именно виде, в каком их создал Толстой. «Азбука» 1872 г. воспроизведена фототипически, и тем самым сохранены отразившиеся в этой книге особенности приемов Толстого в первоначальном обучении грамоте. Непонятно только, почему «Азбука» составила т. 22, а результат позднейшей работы — «Новая азбука» и дополненные русские книги для чтения вошли в т. 21.

Изучение рукописного фонда учебных книг Толстого было впервые

предпринято для Юбилейного издания (редактор В. С. Спиридонов). Кроме широко известных рассказов, включенных Толстым в свои книги, среди рукописей оказались черновые редакции многих из них, отличающиеся от завершеного текста, и более ста рассказов, отброшенных Толстым. Обнаружены были также незавершенная «Грамматика для сельской школы» и многочисленные черновые варианты «Арифметики». Все это заняло место в разделе «Неопубликованное, незаконченное, неотделанное». Надо отметить, что еще до выхода т. 21 (1957 г.) В. С. Спиридонов опубликовал в различных изданиях большую часть из рукописных материалов (т. 21, с. 691).

Обстоятельный комментарий (т. 21, с. 547—690) представляет большую научную ценность. Кроме подробнейшей, основанной на печатных и рукописных материалах «истории писания и печатания» «Азбуки» и «Новой азбуки», «Грамматики для сельской школы», даны примечания к каждому (их 449) рассказу. Для многих рассказов пришлось устанавливать источники. С этой работой редакторы в основном отлично справились. В нескольких случаях есть и промахи. Ошибочно указаны источники сказок «Три медведя», «Девочка и разбойники», «Ореховая ветка». Не указаны источники сказки «Уж», рассказа «Акула» и некоторых других. Таковы единичные недочеты в целом хорошей работы по публикации и комментированию «азбук» Толстого.

Критический обзор заостряет вопрос на недостатках, но это ни в какой мере не умаляет больших достоинств Юбилейного издания в области публикации художественных творений Толстого. Это действительно первое полное собрание художественных сочинений Толстого. И не могло не быть промахов в таком грандиозном деле; можно только удивляться, что их относительно мало. Мы смотрим на это издание спустя тридцать с лишним лет после его основания, и мы можем объективно оценить его минусы и плюсы. Надо помнить, что за эти годы было осуществлено несколько собраний художественных произведений Толстого и отдельных изданий. Все они являются перепечатками с Юбилейного издания.

За истекшие десятилетия советская текстология обогатилась опытом научных изданий классиков, и в это дело Юбилейное издание внесло неоценимый вклад. Оно открыло широкие перспективы дальнейшего изучения художественного наследия Толстого.

Четверть века назад на упоминавшейся нами конференции в Институте русской литературы (Пушкинском доме) высоко оценили Юбилейное издание. Там обсуждали преимущественно издание художественных произведений Толстого. Совершенно справедливо заявляли тогда, что «было бы трудно и невероятно, если бы такой писатель колоссальной продукции, как Толстой, никогда прежде по-настоящему научно не издававшийся, был издан раз и навсегда в совершенно безукоризненной, так называемой канонической форме». Юбилейное издание было названо «репетицией», «черновым вариантом», за которым должен последовать «беловой вариант», т. е. подлинно академическое издание (указанная стенограмма; выступление Н. К. Пиксанова). Разумеется, на первой очереди стоит академическое издание художественных произведений.

Литературное наследство Толстого очень велико и сложно, так что перед академическим изданием возникнут большие трудности. Они преодолимы, и должно появиться издание с совершенным текстом произведений и исчерпывающей полнотой черновых набросков и редакций.